

ПРАЙС-ЛИСТ НА ЕРЕСЬ

ТАЙЛЕР MORRIS

Прайс-лист на ересь

Тайлер Моррис

Настоящее издание представляет собой художественное произведение. Все имена, персонажи, диалоги, события, организации и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла и используются исключительно для раскрытия авторского замысла. Любое сходство с реальными лицами, событиями, обстоятельствами, организациями, названиями, публичными спорами или общественными процессами является случайным и непреднамеренным. Мнения, реплики и оценки персонажей являются частью художественного повествования и не должны восприниматься как позиция автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Урок критического мышления

Глава 2. Первая ступень: Медиа-киллер

Глава 3. Вторая ступень: Эксперт-инквизитор

Глава 4. Гражданская смерть

Глава 5. Союз изгоев

Глава 6. Шаг в темноту

Глава 7. Цена «экспертизы»

Глава 8. Кровавый след

Глава 9. Анатомия заговора

Глава 10. План «Инъекция правды»

Глава 11. Прямой эфир

Глава 12. Срыв масок

Пролог

Зал судебных заседаний Мотовилихинского районного суда города Перми тонул в серой полумгле ноябрьского полудня. На третьем ряду деревянных скамей, сжав кулаки так, что побелели суставы, сидела Мария Колосова. Ей было тридцать два года, но под тусклыми люминесцентными лампами она выглядела на все сорок.

Напротив нее, за лакированным барьером, сидел представитель опеки — молодая женщина с безучастным лицом, листавшая медицинскую карту пятилетнего Артемки. Самого Артемки в зале не было. Его еще три недели назад увезли в приют прямо из детского сада, оставив Марии лишь порванный рукав его синей куртки и эхо испуганного плача в ушах.

— Суд переходит к заслушиванию мнения приглашенного специалиста, — монотонно произнесла судья, не поднимая глаз от дела.

С первого ряда поднялся грузный мужчина в помятом сером пиджаке. Его редкие волосы были небрежно зачесаны назад, а на переносице сидели тяжелые очки в роговой оправе. Это был приглашенный эксперт, чье имя в узких кругах вызывало либо благоговейный трепет, либо тихий ужас. Он представлял региональное отделение РАЦИРС — структуры, которая за последние годы превратилась в негласного арбитра человеческих судеб.

Мария затаила дыхание. Она помнила, как этот человек приехал в их город. Ей говорили, что его можно нанять, что его организация за определенную плату составляет любые документы, выступает в судах и помогает «решать вопросы» с неудобными родственниками. Но у Марии не было денег, чтобы заплатить ему. Зато деньги были у ее бывшего мужа, крупного застройщика, решившего отобрать сына, чтобы не платить алименты и проучить «строптивую бабу».

Эксперт неторопливо подошел к трибуне, положил на нее пухлую папку и облокотился на деревянный барьер. В его позе не было судебного почтения — скорее, снисходительность лектора перед нерадивыми студентами.

— Уважаемый суд, — заговорил он глубоким, хорошо поставленным баритоном. — Проведенный нами анализ религиозной обстановки в семье

Колосовой Марии Сергеевны позволяет сделать однозначные выводы. Гражданка Колосова на протяжении двух лет посещает собрания группы, имеющей все признаки деструктивного культа. В домашних условиях ею практикуются методы, которые мы классифицируем как скрытое психологическое кодирование ребенка.

— Это ложь! — голос Марии сорвался на писк. — Мы просто читали детскую Библию! Обычную, с текстами на основе синодального перевода!

— Тишина в зале, — сухо оборвала судья. — Гражданка Колосова, вам будет предоставлено слово. Продолжайте, эксперт.

Мужчина на трибуне даже не повернулся в сторону Марии. Он привык к этим крикам. Для него они были лишь фоновым шумом, подтверждающим его правоту.

— В ходе обследования жилищных условий, — продолжил он, листая бумаги, — были обнаружены книги, не рекомендованные для детского чтения традиционными конфессиями. Ребенок систематически подвергался изоляции от сверстников, ему внушались идеи превосходства их узкой группы над остальным обществом. Это классический протокол вербовки. Оставлять несовершеннолетнего Артемия в данной среде — значит подвергать его психику необратимой деформации. Наша ассоциация настаивает на ограничении матери в родительских правах и определении места проживания ребенка с отцом.

Адвокат Марии, молодой парень из бесплатной юридической помощи, робко поднялся:

— Позвольте, но где результаты независимой психолого-психиатрической экспертизы самого ребенка? Где заключения государственных органов? Почему мы опираемся на частное мнение общественной организации?

Эксперт снисходительно улыбнулся. Этот вопрос он слышал сотни раз.

— Наша организация действует в рамках содействия правоохранительным органам и судам. Мой личный стаж в сектоведении — более двадцати лет. Мы не нуждаемся в лицензиях Минюста для того, чтобы отличить духовную заразу от нормы. Документы, представленные нами, составлены в соответствии с научными методиками, признанными ведущими специалистами страны.

Он аккуратно закрыл папку. На ее обложке тускло поблескивал логотип РАЦИРС.

Мария смотрела на его холеные руки, на дорогие часы, мелькнувшие под манжетой помятого пиджака. Она вспомнила слухи, которые ходили в коридорах суда: этот визит эксперта обошелся ее бывшему мужу в триста тысяч рублей. Официально это называлось «благотворительным взносом на научно-просветительскую деятельность». Неофициально — это был прайс-лист на уничтожение ее материнства.

Судья ушла в совещательную комнату. Эксперт, не дожидаясь решения, начал собирать свои вещи. Он торопился — вечером у него был самолет в Москву, а завтра ждал аналогичный процесс в Екатеринбурге. Там делили наследство покойного коммерсанта, чью вдову родственники тоже решили объявить «сектанткой».

Мария сделала шаг к нему, преграждая путь между рядами скамей.

— Как вы можете? — прошептала она, глядя ему прямо в глаза. — Вы же знаете, что я не сектантка. Вы же даже не разговаривали со мной. Вы разрушаете мою жизнь за деньги.

Эксперт остановился. В его глазах не было злости — лишь глубокая, ледяная скука человека, который давно перестал видеть в людях живых существ, превратив их в объекты для своих классификаций.

— Милочка, — тихо, так, чтобы не слышал секретарь суда, произнес он. — Мир устроен гораздо сложнее, чем вам кажется. Если общество хочет быть здоровым, оно должно избавляться от чужеродных элементов. А кто именно является чужеродным — решают те, у кого есть полномочия и знания. Всего вам доброго.

Он обошел ее, обдав запахом дорогого парфюма.

Через полчаса судья зачитала решение: ограничить Марию Колосову в родительских правах, передать ребенка отцу.

Мария вышла на крыльцо суда. Дождь со снегом мгновенно намочил ее волосы. Она смотрела на серый город, на проезжающие машины, и понимала, что ее прежний мир мертв. Ее стерли, признали браком, наклеили ярлык,

который невозможно смыть. И сделал это человек, который просто зачитал текст с листа бумаги за хорошую плату.

Она еще не знала, что через несколько лет в другом городе, за тысячи километров от Перми, молодой учитель обществознания Саид Ахмедов столкнется с той же самой машиной. Но в отличие от Марии, Саид откажется покорно идти на плаху.

Глава 1. Урок критического мышления

Пылинки лениво кружились в узком луче холодного ноябрьского солнца, пробивавшемся сквозь немытое двойное стекло кабинета обществознания. На третьем этаже старой городской школы всегда пахло одинаково: смесью хлорки, дешевой мастики для линолеума и застарелого чая из учительской. На задних партах стоял негромкий гул — одиннадцатый «Б» доживал последний пятничный урок перед каникулами.

Саид Ахмедов, которого в школе все — от первоклассников до директора — звали Сергеем Дмитриевичем, стоял у интерактивной доски. Ему было двадцать девять лет. Короткая аккуратная борода, простой темно-серый джемпер с наглухо застегнутым воротником рубашки, спокойный, чуть глуховатый голос. Он никогда не кричал на уроках. В его кабинете вообще редко повышали голос — не потому, что боялись, а потому, что здесь было интересно.

— Итак, коллеги, — Саид повернулся к классу, слегка постукивая мелом по ладони. — Давайте разберем вчерашний кейс из нашего городского паблика «Подслушано в Зареченске». Кто видел публикацию о якобы планируемом закрытии единственной детской поликлиники в северном микрорайоне?

Поднялось несколько рук. На первой парте закивала Маша Смирнова, отличница с вечно встревоженными глазами.

— Я видела, Сергей Дмитриевич! Там еще в комментариях такой кошмар начался. Люди писали, что нужно выходить на митинг, что власть нас всех уничтожает.

— Отлично, Маша. А теперь давайте включим то, что мы называем информационной гигиеной, — Саид вывел на экран скриншот поста. — Посмотрите на текст. «Срочный репост! Источник из администрации сообщает, что решение уже принято, документы подписаны, врачей увольняют с первого числа». Какие маркеры манипуляции вы здесь видите?

— Отсутствие конкретных имен, — лениво отозвался с задней парты Кирилл, местный компьютерный гений. — «Источник из администрации» — это классический «ОБС», одна бабка сказала. Ни должности, ни исходящего номера документа.

— Верно, Кирилл. Что еще? — Саид обвел взглядом класс.

— Капслок и восклицательные знаки, — добавила Маша. — «Срочный репост!». Это же специально, чтобы вызвать панику, чтобы человек на эмоциях нажал кнопку «поделиться» до того, как успеет подумать.

— Именно, — Саид улыбнулся, и эта улыбка сделала его строгое лицо мягче. — Эмоциональный триггер. Наш мозг устроен так, что в состоянии страха или гнева рациональное мышление отключается. Нас заставляют реагировать мгновенно. А теперь посмотрите на реальные факты. На официальном сайте Минздрава за два часа до этого поста была опубликована новость: в поликлинике начинается плановый капитальный ремонт крыши. Детей временно перенаправляют в соседний филиал, в трех остановках отсюда. Никакого закрытия, никакого сокращения штата. Но создатель фейка взял реальный факт — временные неудобства — и завернул его в обертку катастрофы. Зачем?

— Ради просмотров? — спросил кто-то с середины класса. — Или чтобы поднять активность в группе?

— И это тоже. Но главная цель — создание управляемого хаоса. Когда вы перестаете верить официальным источникам и начинаете верить анонимным эмоциональным вбросам, вами становится очень легко манипулировать. Запомните: критическое мышление — это не отрицание всего подряд. Это

умение задавать правильные вопросы. Кому это выгодно? Где первоисточник? Каковы сухие факты без прилагательных?

На последней парте у окна послышался демонстративный, громкий зевок. Денис Ковалев, сын начальника районного управления капитального строительства, сидел, развалившись на стуле и вытянув длинные ноги в дорогих кроссовках далеко в проход. Его новенький айфон лежал прямо на парте, и Денис даже не пытался его спрятать.

— Сергей Дмитриевич, — протянул Денис, не глядя на учителя. — А зачем нам вообще вся эта лабуда? Ну, пишут и пишут. Кому надо, тот разберется. Вы лучше скажите, когда вы мне оценку за четверть исправите? У меня там двойка светит.

В классе мгновенно воцарилась тишина. Все знали, кто такой отец Дениса. Дмитрий Викторович Ковалев был человеком, чье имя в городе произносили с особым выражением лица — смесью подострастия и страха. Он распределял строительные подряды, дружил с мэром и фактически контролировал половину коммерческой недвижимости в районе.

Саид спокойно посмотрел на Дениса. Его взгляд оставался ровным, без тени раздражения или заискивания.

— Денис, твоя оценка за четверть — это отражение твоей работы. Точнее, ее отсутствия. За последние два месяца ты не сдал ни одного домашнего задания, провалил обе контрольные работы и трижды отказался отвечать у доски.

— И что? — Денис приподнял бровь, в его голосе прорезались капризные, барские нотки. — Вы мне портите аттестат. Отец сказал, что у меня по обществознанию должна быть как минимум четверка. Ему проблемы с моим поступлением не нужны. Так что давайте вы просто исправите это недоразумение.

— Оценки в этой школе не «исправляют» по звонку родителей, — тихо, но отчетливо произнес Саид. — Их зарабатывают. Если ты хочешь получить положительную оценку, у тебя есть время до вторника. Придешь после уроков, напишешь тест по пройденным темам и сдашь реферат по глобализации. Темы я тебе давал три недели назад.

Денис медленно поднялся со своего места. Он был почти одного роста с учителем, но в его фигуре не было мужской стати — лишь рыхлая, сытая самоуверенность подростка, привыкшего, что любые преграды перед ним расступаются.

— Вы, кажется, не поняли, Сергей Дмитриевич, — тихо, так, чтобы слышал только учитель и ближайшие парты, сказал Денис. — Мой отец на прошлой неделе выбил для школы грант на ремонт спортивного зала. Директор перед ним на задних лапках ходит. Если у меня в четверти будет двойка, у вас будут проблемы. Очень большие проблемы. Вы здесь просто учитель на полставки, не забывайте об этом.

По классу пронесся едва слышный вздох. Маша Смирнова испуганно вжала голову в плечи.

Саид не отвел глаз. Он смотрел на Дениса с легким, почти научным интересом — точно так же, как минуту назад разбирал манипулятивный пост в соцсети.

— Урок окончен, — спокойно сказал Саид, когда раздался звонкий треск школьного звонка. — Все свободны. Денис, мое предложение в силе. Вторник, шестой урок. Жду тебя с готовой работой.

Денис злобно усмехнулся, закинул рюкзак на одно плечо и, проходя мимо учительского стола, небрежно задел стопку тетрадей. Они веером посыпались на пол. Не оборачиваясь, парень вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Саид вздохнул, опустился на одно колено и начал неторопливо собирать тетради. Его пальцы были совершенно спокойны, дыхание оставалось ровным. За годы жизни он научился контролировать свои эмоции так, как мало кто умел в этом суетливом, дерганом мире.

Дорога домой занимала около получаса. Ноябрьский вечер опускался на Зареченск быстро и безжалостно, укутывая серые пятиэтажки в грязно-синие сумерки. Мокрый снег с дождем летел в лицо, превращая тротуары в скользкую кашу. Саид шел пешком, глубоко засунув руки в карманы старого осеннего пальто. Он любил эту прогулку. Она позволяла ему переключить регистр, оставить «Сергея Дмитриевича» в школьных коридорах и вернуться к самому себе.

Его квартира находилась на окраине, в панельном доме у самой железной дороги. Это была скромная однокомнатная квартира, которую он снимал уже три года. Здесь не было ничего лишнего: простой деревянный стол, ноутбук, полка с книгами по истории, философии и социологии, узкая кровать и свернутый в углу молитвенный коврик. Никаких телевизоров, ярких безделушек или признаков семейного уюта.

Саид запер дверь на два замка, разулся и прошел в ванную. Он открыл кран с холодной водой и начал совершать омовение — тахарат. Холодная вода обжигала кожу, смывая дневную пыль, школьный шум, липкое ощущение от разговора с Денисом. Он омыл лицо, руки до локтей, провел влажной ладонью по волосам, омыл ступни. С каждым движением внутри него восстанавливался тот самый внутренний баланс, который другие люди безуспешно искали в алкоголе, психотерапии или бесконечном потреблении.

Он вернулся в комнату, расстелил коврик в направлении киблы — на юго-запад.

В этой пустой, тихой квартире он больше не был Сергеем Дмитриевичем, учителем обществознания, вынужденным лавировать между школьными интригами и капризами чиновничьих детей. Здесь он был Саидом — любящим Всевышнего, стоящим перед своим Создателем.

Он поднял руки к ушам и тихо произнес: — Аллаху акбар.

Мир за пределами квартиры перестал существовать. Исчезли серые пятиэтажки, мокрый снег, невымытые доски и угрозы избалованного подростка. Саид читал суру «Аль-Фатиха» тихим, певучим шепотом. Его голос, обычно сдержанный и сухой, сейчас звучал глубоко и мягко. В этих арабских словах, которые он произносил пять раз в день, была его абсолютная зона покоя, его крепость, которую никто не мог разрушить.

Он совершил поясной поклон, затем опустился на колени, коснувшись лбом прохладной ткани коврика. В суджуде — земном поклоне — он почувствовал, как уходит последнее напряжение из плеч. «Субхана Раббияль-Аля» (Слава моему Высочайшему Господу). В этой позе максимальной покорности Творцу он обретал ту невероятную внутреннюю свободу, которая так раздражала и пугала окружающих в его повседневной жизни. Ему не нужно

было заискивать перед сильными мира сего, потому что он знал: вся власть, все богатство и все судьбы принадлежат только Одному.

Закончив молитву, Саид еще некоторое время сидел на коврике, перебирая четки. В комнате было темно, только тусклый свет уличного фонаря через окно рисовал на стене геометрические узоры.

Тишину разорвал резкий,дребезжащий звук. На столе вибрировал мобильный телефон.

Саид неторопливо поднялся, подошел к столу и взял трубку. На экране светилось имя: «Лариса Васильевна». Директор школы.

Он нажал кнопку приема.

— Да, Лариса Васильевна. Добрый вечер.

Голос директора в трубке звучал непривычно мягко, даже как-то приторно. Лариса Васильевна, женщина предпенсионного возраста, прошедшая суровую школу советской и постсоветской педагогической бюрократии, обычно разговаривала с подчиненными сухим, приказным тоном. Но сейчас в ее интонациях сквозила фальшивая, почти материнская забота.

— Сереженька, голубчик, добрый вечер, — заворковала она. — Извини, что беспокою тебя в пятницу вечером. Наверное, уже отдыхаешь?

— Все в порядке, Лариса Васильевна. Я слушаю вас.

— Да вот, понимаешь, какое дело... — директор замялась, в трубке послышался шорох перекладываемых бумаг. — Звонил мне тут Дмитрий Викторович Ковалев. Очень, знаешь ли, расстроенный мужчина. Прямо-таки вне себя от беспокойства за сына. Говорит, у Дениса по твоему предмету выходит неудовлетворительная оценка за четверть.

— Да, это так, — спокойно подтвердил Саид. — У Дениса фактически нет аттестации. Он не сдал ни одной работы.

— Ну что ты сразу так строго, Сережа! — в голосе Ларисы Васильевны появились заискивающие нотки. — Мы же все люди, все понимаем. Мальчик сложный, переходный возраст, гормоны... К тому же, ты ведь знаешь, как Дмитрий Викторович помогает нашей школе. Вот буквально на днях решил

вопрос с финансированием ремонта спортзала. Мы этого ремонта пять лет ждали! Крыша течет, дети зимой мерзнут... А тут такая удача. И Дмитрий Викторович намекнул, что если у его сына возникнут проблемы с аттестатом, то и с грантом могут возникнуть... ну, технические сложности. Ты понимаешь, о чем я?

— Я понимаю, Лариса Васильевна, — ответил Саид, глядя в темное окно. — Но я также понимаю, что если я поставлю Денису оценку просто так, это будет несправедливо по отношению к остальным ученикам. К той же Маше Смирновой, которая учит каждую тему. Я предложил Денису выход: прийти во вторник, написать тест и сдать реферат. Если он подготовится, я поставлю ему заслуженную оценку.

В трубке повисла тяжелая, вязкая пауза. Когда Лариса Васильевна заговорила снова, ее голос лишился прежней приторности. Теперь он был холодным, плоским и угрожающим.

— Сергей Дмитриевич. Давай без этого твоего юношеского максимализма. Мы живем в реальном мире, а не в твоих учебниках по обществознанию. Школа — это сложная система. Мы все зависим друг от друга. И иногда нужно уметь проявлять гибкость. Дмитрий Викторович — очень влиятельный человек в нашем городе. У него связи везде: в администрации, в департаменте образования, в силовых структурах. Если он захочет, он сотрет тебя в порошок. И я не смогу тебя защитить, даже если захочу.

— Мне не нужна защита, Лариса Васильевна. Я просто делаю свою работу в соответствии с правилами.

— Правила пишут те, у кого есть власть, Сергей Дмитриевич! — сорвалась на резкий шепот директор. — Не будь дураком. Поставь парню тройку. Тебе что, жалко? От тебя убудет? Подумай о своей карьере. Ты молодой специалист, у тебя все впереди. Зачем тебе портить отношения с людьми, которые могут решить твою судьбу одним звонком? Подумай хорошенько до понедельника. Я очень надеюсь на твое благоразумие. Хороших выходных.

В трубке раздались короткие гудки.

Саид медленно опустил руку с телефоном. В темноте квартиры его лицо казалось высеченным из камня. Он подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу.

Он закрыл глаза. Первый ход в этой партии был сделан. И Саид понимал, что правила этой игры будут устанавливать далеко не в школьных кабинетах.

Глава 2. Первая ступень: Медиа-киллер

Утро началось с неестественной, оглушительной тишины. Обычно в начале восьмого телефон Саида уже разрывался от уведомлений: школьные чаты бурлили обсуждениями замен в расписании, родительские комитеты спорили о закупках к праздникам, а коллеги обменивались дежурными шутками перед началом рабочего дня. Но сегодня экран мобильного оставался темным.

Единственное сообщение пришло в 6:42 от завуча по воспитательной работе, Марины Геннадьевны — женщины тихой и обычно сочувствующей. Текст был коротким: *«Сергей Дмитриевич, не открывайте пока школьные чаты. И посмотрите местный портал “Зареченск-Инфо”. Мне очень жаль».*

Саид поднялся с кровати. В квартире было прохладно; старые батареи под подоконником едва теплились. Он заварил крепкий черный чай без сахара и, сев за рабочий стол, открыл ноутбук. На главной странице регионального информационного ресурса, который в городе читали абсолютно все — от домохозяек до чиновников администрации, — красовался огромный баннер с кричащим заголовком.

«Экстремизм у доски: чему учит детей тайный мусульманин?»

Автором материала значилась Кристина Радченко — местная журналистка, известная своими агрессивными «расследованиями» и тесными связями с городским департаментом безопасности. Саид медленно вел пальцем по

тачаду, вчитываясь в строчки, состряпанные по всем канонам профессиональной медийной казни.

Статья Радченко была выстроена на классическом манипулятивном приеме, известном в судебной практике и политических технологиях как метод «вины по ассоциации». Журналистка не приводила ни одного прямого доказательства противоправной деятельности учителя, но виртуозно связывала его имя с самыми мрачными и пугающими образами, уже укоренившимися в общественном сознании.

«Пока наше общество консолидируется перед лицом внешних угроз, в самом сердце Зареченска, в стенах школы №4, разворачивается тихая трагедия, — писала Радченко. — Под скромным и привычным для всех именем “Сергей Дмитриевич” скрывается некто Саид Шамилович Ахмедов. Человек, чья биография полна белых пятен, а религиозные убеждения тщательно скрываются от руководства школы и родителей. По информации из наших источников в правоохранительных органах, Ахмедов практикует скрытые формы религиозного культа прямо в своей съемной квартире. Но гораздо опаснее то, что свои специфические взгляды он транслирует несовершеннолетним».

Саид сделал глоток остывающего чая. Его лицо оставалось бесстрастным, но внутри, где-то под ребрами, завязался тугой, холодный узел.

Радченко продолжала нагнетать атмосферу, используя агрессивную инвективную лексику и детализированные «пугающие истории». Она связывала уроки обществознания, на которых Саид учил детей распознавать манипуляции в медиа, с деятельностью радикальных ваххабитских группировок и международных экстремистских организаций.

«Что на самом деле скрывается за так называемыми “уроками критического мышления”? — задавалась вопросом автор. — Наши эксперты утверждают, что под видом анализа новостей детям прививается систематическое недоверие к государственным институтам, правоохранительным органам и традиционным ценностям. Это классический первый этап вербовки, когда у неокрепшего подростка разрушают авторитет родителей и государства, подготавливая почву для внедрения деструктивных

программ. Не так ли начинали те, кто позже устраивал кровавые акции в учебных заведениях по всему миру?»

В текст были вставлены фотографии Саида, сделанные, судя по ракурсу, исподтишка на школьном дворе, а также скриншоты его личной страницы в социальной сети, которую он не обновлял уже несколько лет. Но самым страшным было то, что Радченко опубликовала его домашний адрес и точное расписание уроков. Это было не просто расследование — это была прямая наводка, приглашение к расправе.

Саид закрыл ноутбук. Он понимал, как работает эта машина. Информационный вброс, сделанный в момент максимальной уязвимости общества, мгновенно отключает у людей способность рассуждать логически. Читатель не будет искать доказательства; он уже напуган, а напуганный человек требует не истины, а безопасности и наказания виновного.

В школьный вестибюль Саид вошел ровно в восемь утра. Обычно в это время здесь стоял невообразимый гвалт: дети переобувались, бросали рюкзаки, смеялись. Сегодня гул тоже стоял, но стоило Саиду переступить порог, как звуки начали гаснуть, словно кто-то постепенно выкручивал регулятор громкости.

Дядя Миша, пожилой охранник, который всегда приветствовал Саида крепким рукопожатием и расспросами о футболе, сегодня демонстративно уткнулся в разгадывание кроссворда. Он даже не поднял головы, когда Саид приложил свой магнитный пропуск к турникету.

Саид пошел по коридору второго этажа. Навстречу ему шла Татьяна Петровна, учительница географии, с которой они еще вчера за обедом обсуждали планы на каникулы. Увидев Саида, она резко остановилась, сделала вид, что забыла что-то в кабинете, и быстро повернула назад, стуча каблуками по старому паркету.

Это был классический эффект социальной стигматизации. Люди, знавшие его годами, превращались в ледяные статуи. Они не просто боялись разговаривать с ним — они боялись даже оказаться в одном пространстве, словно его «ересь» была заразной болезнью, передающейся воздушно-капельным путем. Коллеги отводили глаза, утыкались в телефоны, внезапно находили важные дела в противоположном конце здания. В их глазах читался не столько

гнев, сколько страх за собственное благополучие. Быть замеченным рядом с «экстремистом» теперь означало поставить под удар собственную карьеру.

У двери учительской Саид столкнулся с Мариной Геннадьевной. Завуч побледнела, ее губы задрожали. Она оглянулась по сторонам и тихо, почти не разжимая губ, прошептала:

— Сергей Дмитриевич... Саид Шамилевич... Вас Лариса Васильевна ждет. Срочно. К первому уроку не идите, там замена.

Саид кивнул.

— Спасибо, Марина Геннадьевна. Я понял.

Кабинет директора встретил его тяжелым запахом дорогого парфюма. Лариса Васильевна сидела за своим массивным столом, обложившись какими-то бумагами. Ее лицо, обычно тщательно загримированное, сегодня выглядело серым и осунувшимся. Рядом с ней, на приставном стуле, сидел представитель городского департамента образования — молодой, холеный мужчина в безупречном синем костюме, который с интересом рассматривал свои ногти.

— Присаживайтесь, Сергей, — сухо, без прежнего заигрывания произнесла директор. Она не назвала его по отчеству.

Саид сел на свободный стул.

— Вы, конечно, уже видели утреннюю прессу, — Лариса Васильевна постучала ногтем по экрану своего планшета, где была открыта статья Радченко. — Я не буду спрашивать, насколько это правда. Для меня, как для руководителя учреждения, важен сам факт публикации. Школа оказалась в центре грандиозного скандала. Родительские чаты разрываются от гнева. Мне уже звонили из министерства, из администрации города, из... других ведомств.

— Лариса Васильевна, вы же прекрасно знаете, что все написанное там — ложь от первого до последнего слова, — спокойно сказал Саид. — Я преподаю строго по утвержденной программе. Никакой религиозной пропаганды на моих уроках никогда не было и быть не могло.

— Это не имеет значения! — резко оборвал его мужчина в синем костюме, даже не взглянув на Саида. — Важна репутация системы образования. Мы не можем допустить, чтобы в муниципальном учреждении работал человек, в

отношении которого возникли подобные... подозрения. Общественное мнение уже сформировано.

Директор вздохнула и придвинула к Саиду лист бумаги. Это был приказ.

— Я вынуждена подписать приказ о вашем отстранении от работы, — тихо сказала она, глядя куда-то в район его воротника. — Официально — на основании статьи Трудового кодекса, в связи с необходимостью проведения внутренней проверки по факту публикации в СМИ. До выяснения всех обстоятельств.

— Проверки чего, Лариса Васильевна? — Саид посмотрел ей прямо в глаза. — Моих уроков? Моих конспектов? Вы их проверяли каждый месяц. Там нет нарушений.

— Сергей, не усложняй, — в голосе директора на мгновение прорезалась прежняя, усталая женщина. — Ты же умный парень. Понимаешь, откуда ветер дует. Дмитрий Викторович Ковалев слов на ветер не бросает. Ты пошел на принцип из-за оценки его сына, а теперь система перемалывает тебя. Подпиши приказ и уходи тихо. Так будет лучше для всех. Особенно для тебя.

Саид молча взял ручку. Он понимал, что спорить бесполезно. Директор была лишь винтиком в этой машине, напуганным и готовым пожертвовать кем угодно, лишь бы сохранить свое кресло и обещанный грант на ремонт спортзала. Он аккуратно вывел свою подпись: *«Ознакомлен. С приказом не согласен. Ахмедов С.Ш.»* и дату.

— Ваши вещи из кабинета можете забрать сегодня после трех, когда закончатся уроки, — добавила Лариса Васильевна, забирая лист. — Пожалуйста, сделайте это без лишнего шума. Через черный ход.

Саид выходил из школы через центральный вход. Ему было все равно, кто и что подумает. На школьном дворе мокрый снег продолжал засыпать серый асфальт. Возле ворот стояли несколько мамочек из начальных классов. Увидев Саида, они инстинктивно прижали к себе детей и ускорили шаг, бросая на него испуганные и полные ненависти взгляды.

Информационный яд Радченко подействовал мгновенно. Для этих людей он больше не был вежливым и эрудированным учителем обществознания. Он

стал «тайным мусульманином», «вербовщиком», угрозой для их сытых, размеренных жизней.

Саид шел пешком, не прибавляя шагу. Холодный воздух помогал думать. Он понимал, что отстранение от работы — это только начало. Статья Радченко была не просто мстью обиженного чиновника Ковалева; это был артиллерийский обстрел перед полноценным наступлением. Его выбивали из привычной колеи, лишали средств к существованию и социального статуса, превращая в изгоя.

Когда он свернул на свою улицу, его внимание привлекла деталь, которую обычный прохожий вряд ли заметил бы. На обочине, прямо напротив входа в его подъезд, стояла серая Lada Granta. Машина была грязной, без каких-либо опознавательных знаков, но с абсолютно глухой, черной тонировкой на всех стеклах, включая лобовое. Двигатель работал на холостых оборотах, из выхлопной трубы лениво поднимался сизый дымок.

Саид прошел мимо, не замедляя хода. На мгновение ему показалось, что за темным стеклом пассажирского сиденья блеснул объектив камеры мобильного телефона. Машина стояла так, чтобы из нее полностью просматривался вход в подъезд и окна его квартиры на втором этаже.

Ему словно давали понять: ты под колпаком. Твоя жизнь больше не принадлежит тебе. Каждое твое движение фиксируется.

Зайдя в квартиру, Саид первым делом подошел к окну, аккуратно, через щель в занавеске, посмотрел вниз. Серая машина оставалась на месте. Водитель даже не заглушил мотор.

Саид сел на диван и закрыл лицо руками. В пустой квартире было тихо, но эта тишина больше не приносила покоя. Она была наэлектризована предчувствием скорой грозы. Он понимал, что первый этап его уничтожения завершен. Медиа-киллер выполнил свою работу безупречно: Саид Ахмедов был лишен работы, репутации, поддержки коллег и свободы передвижения.

Он посмотрел на свои четки, лежащие на столе. Впереди была вторая ступень этой безжалостной лестницы, и Саид чувствовал, что те, кто запустил этот процесс, не остановятся, пока полностью не сотрут его имя из списков живых.

Глава 3. Вторая ступень: Эксперт-инквизитор

Экран ноутбука светился в полумраке кухни ровным, холодным светом. Саид сидел перед ним, не прикасаясь к чашке с остывшим чаем. На часах было начало девятого вечера. На региональном интернет-канале «ТВ-Регион» начинался прямой эфир общественно-политической программы «Час пик» — главного рупора местной администрации.

Заставка программы сменилась кадром из ярко освещенной студии. В кожаном кресле напротив ведущего сидел грузный, уверенный в себе мужчина лет пятидесяти пяти. На нем был дорогой, но слегка помятый твидовый пиджак с замшевыми латками на локтях — классический образ университетского профессора, далекого от мирской суеты. Тяжелая роговая оправа очков, аккуратная седая борода и снисходительная, чуть покровительственная улыбка.

Это был Коновалов, доктор философских наук, профессор и руководитель регионального представительства РАЦИРС — Российской ассоциации центров изучения религий и сект. Человек, чье слово в судах и администрациях области уже много лет имело силу окончательного приговора.

— Добрый вечер, уважаемые телезрители, — заговорил ведущий, драматически понизив голос. — Сегодня в нашей студии чрезвычайный гость. Мы обсуждаем тему, которая буквально взорвала общественность Зареченска после утренней публикации на портале «Зареченск-Инфо». Речь идет о безопасности наших детей. Евгений Николаевич, вы ознакомились с материалами дела так называемого «учителя» Ахмедова. Какова ваша профессиональная оценка?

Коновалов неторопливо поправил очки, демонстрируя абсолютное спокойствие и превосходство. Он привык к камерам. Для него этот эфир был не дискуссией, а очередной кафедрой, с которой он зачитывал приговоры.

— Здравствуйте, Дмитрий. Здравствуйте, дорогие сограждане, — его баритон звучал мягко, обволакивающе, с легкой хрипотцой. — Знаете, когда я впервые увидел рабочие тетради и конспекты уроков гражданина Ахмедова, которые мне любезно предоставили обеспокоенные родители и администрация школы, я испытал не просто тревогу. Я испытал глубокое профессиональное возмущение. Мы имеем дело не с педагогическими ошибками. Перед нами — классический, детально проработанный протокол скрытого психологического кодирования.

Ведущий испуганно подался вперед:

— Протокол кодирования? Евгений Николаевич, объясните для простых людей, что это значит? Это гипноз?

— Нет, это гораздо тоньше и опаснее, — Коновалов снисходительно улыбнулся, словно объяснял глупому студенту очевидную истину. — Современные деструктивные культы давно отказались от грубых методов. Они используют так называемую психо-информационную диверсию. Обратите внимание на структуру уроков Ахмедова. Под видом обучения «критическому мышлению» и анализу медиатекстов, он систематически разрушал у детей базовые когнитивные фильтры.

Профессор достал из кожаного портфеля обычную синюю ученическую тетрадь в линейку и потряс ей перед камерой.

— Вот, посмотрите. Обычное домашнее задание. Ахмедов предлагает одиннадцатиклассникам проанализировать новостные сообщения государственных каналов и найти там «манипулятивные приемы». На первый взгляд — невинное упражнение. Но с точки зрения сектоведения и деструктивной психологии — это целенаправленное семантическое расщепление. Ученику внушается базовая установка: «Все, что говорит государство — ложь. Верить официальным источникам нельзя». Таким образом, у подростка искусственно создается состояние когнитивного диссонанса и ценностного вакуума. А когда традиционные авторитеты — родители, школа,

государство — разрушены, психика ребенка становится абсолютно беззащитной перед внешним внушением. Это и есть первый этап вербовки. Подготовка почвы.

Саид смотрел на экран, чувствуя, как внутри все сильнее сжимается холодная пружина. Ложь Коновалова была виртуозной. Она не содержала грубых подтасовок; профессор просто брал стандартные термины из учебников по социологии и общей психологии, смешивал их с псевдонаучным жаргоном и оборачивал в пугающую конспирологическую обертку. Обычное обучение анализу информации превращалось в его устах в «технологию ментального демонтажа».

— Но зачем это скромному учителю обществознания? — спросил ведущий, округлив глаза. — Какова цель?

— Цель всегда одна — создание управляемой массы, готовой к деструктивным действиям по первому сигналу кураторов, — отчеканил Коновалов. — Гражданин Ахмедов, как нам теперь известно, ведет двойную жизнь. Его религиозная идентичность тщательно скрывается. И то, что он называет «уроками обществознания», на самом деле является латентной формой суггестивного воздействия. Он внедрил в умы детей ментальные деструкторы, разрушающие их идентичность. Это смертельная опасность для нашего общества, сравнимая с биологическим заражением. И я рад, что правоохранительные органы наконец-то обратили внимание на эту деятельность.

Коновалов говорил с абсолютной, фанатичной убежденностью нарцисса, который искренне верит в собственную непогрешимость. Для него не существовало сомнений. Он не пытался разобраться в сути уроков Саида; он уже вынес вердикт, и этот вердикт был оплачен его статусом главного эксперта по вопросам духовной безопасности региона.

Саид закрыл крышку ноутбука. Экран погас, но в ушах все еще звучал этот уверенный, сытый баритон. Профессор Коновалов только что совершил его публичную гражданскую казнь. После такого эфира оправдаться было невозможно. Общество, напуганное «смертельной опасностью» и

«психологическим кодированием», не будет слушать аргументы. Оно потребует изоляции «источника заражения».

Саид потянулся к телефону, лежащему на краю стола. Ему нужно было связаться с кем-то, кто мог бы подсказать, что делать в такой ситуации. Возможно, стоило позвонить старому университетскому преподавателю или юристу, контакты которого когда-то давал знакомый.

Он взял аппарат в руки и поморщился. Корпус телефона был неестественно горячим, словно устройство долго лежало под прямыми лучами солнца, хотя оно просто лежало на деревянной столешнице. Саид взглянул на индикатор батареи. Еще три часа назад заряд составлял около восьмидесяти процентов, а сейчас на экране сиротливо мигали красные три процента. При этом телефон находился в режиме ожидания, на него не поступало звонков, и никакие приложения он сам не запускал.

Саид разблокировал экран и попытался набрать номер своего давнего друга Рустама, жившего в соседней области. Нажатие на кнопку вызова отозвалось странной, секундной задержкой. Экран завис, затем послышался длинный, протяжный гудок.

Но перед тем как пошел первый сигнал вызова, в динамике раздался отчетливый, сухой металлический звук. *Клик. Клик-клик.*

Этот звук не был похож на обычные помехи сотовой связи. Он был слишком ритмичным, механическим. Когда Рустам наконец взял трубку, его голос прозвучал глухо, словно сквозь слой ваты, и сопровождался странным, едва заметным эхом. Каждое слово Саида возвращалось к нему в динамик с задержкой в долю секунды.

— Алло, Саид? — голос Рустама тонул в легком шипении. — Привет. Плохо слышно тебя. Что со связью? Как будто в пустой бочке сидишь.

— Привет, Рустам, — Саид старался говорить спокойно, но его взгляд был прикован к экрану телефона, который продолжал нагреваться прямо в ладони. — Да, у меня тут, кажется, сеть барахлит. Ты меня нормально слышишь?

— С задержкой. И какой-то свист постоянный на заднем плане. Слушай, я читал сегодня утром... Это правда? Что у вас там происходит в Зареченске? Вся эта грязь в интернете...

В этот момент в трубке снова раздался отчетливый двойной щелчок, после чего связь мгновенно оборвалась. Экран телефона потемнел, и аппарат полностью отключился несмотря на то, что секунду назад индикатор показывал три процента. Попытки включить его ни к чему не привели — батарея была высажена в ноль.

Саид медленно положил мертвый кусок пластика и стекла на стол. Как учитель обществознания и человек, интересующийся современными технологиями, он прекрасно понимал, что это значит. Быстрый разряд батареи в режиме ожидания, сильный нагрев процессора, характерные щелчки при установлении соединения и эхо в динамике — все это были классические признаки работы шпионского программного обеспечения, установленного на устройство удаленно. Его телефон больше не принадлежал ему. Он превратился в круглосуточный микрофон и маяк, передающий каждый его шаг, каждое слово и каждое перемещение тем, кто сидел в серой машине под его окнами.

Чувство кольца, сжимающегося вокруг него, стало почти физическим. Его лишили работы, его имя смешали с грязью на телевидении, а теперь его лишили возможности общаться с внешним миром. Он был изолирован в собственной квартире, как зверь в загоне.

Субботнее утро встретило Саида резким, требовательным звонком в дверь. Звук раздался в 8:30, заставив его вздрогнуть. Он не ждал гостей.

Саид подошел к двери, посмотрел в глазок. На лестничной площадке стоял молодой парень в гражданской куртке, но с характерной военной выправкой. В руках он держал планшет для бумаг.

Саид открыл дверь.

— Ахмедов Саид Шамилевич? — сухо спросил визитер, не здороваясь.

— Да, это я.

— Вам повестка. Явка сегодня к 10:00 в Следственный комитет, к следователю Широкову. Распишитесь в получении.

Парень протянул лист бумаги и ручку. Саид молча расписался. Спорить или задавать вопросы было бессмысленно — курьер явно выполнял чисто техническую функцию. Закрыв дверь, Саид посмотрел на повестку. Статус: «для дачи объяснений в рамках проведения доследственной проверки». Но он понимал, что эта формулировка — лишь вежливая прелюдия к гораздо более жестким действиям.

В 9:45 Саид уже входил в серое, безликое здание Следственного комитета на улице Ленина. После прохождения металлодетектора и тщательного досмотра вещей хмурый дежурный выписал ему пропуск и указал на лестницу: «Третий этаж, кабинет 312».

Кабинет следователя Ильи Семеновича Широкова был небольшим и заваленным бумагами. На старом сейфе в углу пылился чайник, на стенах висели календари с символикой ведомства. Сам Широков, мужчина лет сорока с усталым лицом и глубокими залысинами, сидел за столом, быстро стуча по клавиатуре компьютера одним пальцем.

— Присаживайтесь, Ахмедов, — не поднимая глаз от монитора, бросил следователь.

Саид сел на жесткий стул напротив стола. На краю столешницы он сразу заметил толстую папку-скоросшиватель. На ее верхней странице лежал распечатанный текст статьи Кристины Радченко, а под ним — несколько синих ученических тетрадей. Тех самых, которые вчера показывал по телевизору профессор Коновалов.

Широков наконец перестал печатать, откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Саида. В его взгляде не было личной ненависти или злости — только глубокая, профессиональная усталость человека, который ежедневно пропускает через себя десятки человеческих трагедий и относится к ним как к рутинной бумажной работе.

— Итак, Саид Шамилевич, — следователь сделал ударение на имени, словно пробуя его на вкус. — На вас поступило заявление от группы родителей учащихся одиннадцатого «Б» класса школы номер четыре. К заявлению приложены материалы вашей педагогической деятельности, а также экспертное

закключение Ассоциации центров изучения религий и сект за подписью профессора Коновалова. Вы знакомы с этим документом?

— Я видел выступление гражданина Коновалова вчера по телевидению, — спокойно ответил Саид. — И должен заявить, что все его обвинения не имеют под собой никакой научной или фактической основы.

Широков снисходительно хмыкнул, открыл папку и достал из нее документ с синей печатью.

— Ну, гражданин Коновалов для нас не просто «гражданин». Он признанный государством эксперт, доктор наук, член экспертного совета при Минюсте. Его мнение для следствия — это официальный научный факт. А вот что пишете вы на своих уроках... Давайте почитаем.

Следователь надел очки и начал читать по бумаге, монотонно, без выражения, что делало абсурдные формулировки еще более зловещими:

«В ходе анализа рабочих тетрадей учащихся Смирновой М. и Ковалева Д. экспертом установлено использование преподавателем Ахмедовым С.Ш. суггестивных лингвистических конструкций. В частности, при разборе темы “Роль государства в жизни общества” Ахмедов систематически применяет метод искусственного наведения когнитивного диссонанса. Путем внедрения деструктивных семантических маркеров у несовершеннолетних формируется протокол скрытого психологического кодирования, направленный на разрушение традиционных ценностных ориентиров и подготовку к принятию экстремистских доктрин».

Широков снял очки и посмотрел на Саида.

— Как вы это объясните, Ахмедов? Зачем вы кодировали детей?

— Илья Семенович, это же абсурд, — Саид подался вперед, стараясь, чтобы его голос звучал максимально убедительно. — Когнитивный диссонанс — это не метод кодирования. Это стандартное психологическое состояние, когда человек сталкивается с противоречивыми фактами. Мы на уроках учились анализировать информацию. Например, сравнивали разные точки зрения на исторические события. Это развивает критическое мышление, которое прописано в федеральных образовательных стандартах. Любой практикующий

педагог или независимый психолог подтвердит вам, что в этих тетрадях — обычные учебные задания.

— Независимый психолог? — Широков прищурился. — А кто у нас независимый? Тот, кого вы укажете? У нас есть официальная экспертиза от сертифицированной организации РАЦИРС. Профессор Коновалов черным по белому пишет: «деятельность Ахмедова представляет скрытую угрозу национальной безопасности». Вы хотите сказать, что доктор наук, профессор, специалист с двадцатилетним стажем занимается подлогом?

— Я хочу сказать, что его выводы псевдонаучны, — твердо произнес Саид. — Он использует сложную терминологию, чтобы замаскировать отсутствие реальных доказательств. В моих действиях нет состава преступления. Я не призывал к насилию, не пропагандировал религиозную исключительность. Я просто учил детей думать.

Широков вздохнул, положил руки на стол и переплел пальцы. Его тон изменился, став более доверительным, но от этого еще более опасным. Это был классический прием психологического давления, когда следователь разыгрывает роль понимающего человека, пытающегося помочь глупому подозреваемому.

— Саид Шамилевич. Давайте без протокола, по-человечески. Вы парень молодой, умный. Зачем вы себе жизнь ломаете? Вы думаете, мы не понимаем, как это работает? Сегодня вы учите их «думать» и сомневаться в решениях власти, а завтра они с плакатами на площадь выйдут или, не дай Бог, начнут листовки экстремистские клеить. Профессор Коновалов — человек очень серьезный. К его мнению прислушиваются на самом верху. Если дело пойдет по статье «содействие экстремистской деятельности», вы же понимаете, какие это сроки? До пятнадцати лет.

Следователь сделал паузу, давая Саиду прочувствовать тяжесть этой цифры.

— Мы ломали людей и покрепче вас, — тихо, почти интимно продолжил Широков. — У нас тут разные бывали. И все в итоге подписывали признания. Потому что против системы не попрешь. Сейчас у вас есть шанс облегчить свою участь. Напишите чистосердечное. Признайте, что использовали

нелицензированные методики, что попали под влияние... ну, скажем, определенных зарубежных религиозных фондов. Мы это оформим как деятельное раскаяние. Получите условный срок или домашний арест. Останетесь дома, с семьей. А если будете заператься — уедете в СИЗО прямо отсюда, до суда. А там, сами понимаете, условия тяжелые. Особенно для людей вашей... специфической веры. Здоровье-то у вас как? Сердце не пошаливает? В камере всякое бывает, знаете ли. Инфаркты у нас тут случаются у излишне принципиальных.

Саид почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Это была прямая, неприкрытая угроза. Ему предлагали выбор между быстрой гражданской смертью через признание несуществующей вины и медленным физическим уничтожением в застенках следственного изолятора. И все это строилось на безумной, сфабрикованной экспертизе человека, который ни разу в жизни не видел самого Саида и не присутствовал ни на одном его уроке.

В этот момент Саид вспомнил то, что читал когда-то о процессах, которые вел РАЦИРС в других регионах. Они всегда действовали по одной схеме. Сначала медийная травля, затем «экспертное заключение» Коновалова или его коллег, наполненное страшными словами вроде «психологическое кодирование» и «деструктивный культ», а затем — следователь, который использует эти выдумки как непререкаемый закон. Это была отлаженная индустрия по производству «еретиков» и «экстремистов», где у жертвы не было ни единого шанса на защиту, потому что сама система правосудия добровольно отдала свои функции на аутсорсинг этим псевдонаучным инквизиторам.

Саид вспомнил дело Дмитрия Силаева, обычного инструктора по йоге из соседнего областного центра, которого в 2021 году осудили на пять лет общего режима. Коновалов тогда написал в экспертизе, что дыхательные упражнения Силаева — это «технология подавления воли и скрытого вовлечения в неоиндуистский деструктивный культ». Силаев тоже пытался доказать, что это просто физкультура и оздоровление, но суд даже не стал слушать независимых специалистов, сославшись на «авторитет и научный статус профессора Коновалова». Дмитрий уехал на зону, его семья была разорена, а Коновалов получил очередную благодарность от администрации и грант на «профилактику экстремизма».

— Я не буду ничего подписывать, Илья Семенович, — тихо, но абсолютно твердо сказал Саид. — Я не совершал никаких преступлений. Мои уроки соответствовали закону об образовании. Если вы хотите предъявить мне обвинение — предъявляйте. Но оговаривать себя я не стану.

Широков долго смотрел на него, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на разочарование. Он надеялся закрыть дело быстро, без лишней бумажной волокиты.

— Что ж, Ахмедов, — следователь медленно придвинул к себе протокол допроса. — Ваша позиция ясна. Очень жаль, что вы выбрали этот путь. Вы свободны... пока свободны. Но из города никуда не уезжайте. Вы под подпиской о невыезде. И поверьте мне, наш следующий разговор будет проходить в совершенно другой обстановке.

Саид выходил из здания Следственного комитета под мелкий, колючий дождь. Ноябрьский ветер мгновенно пробрал его до костей, но он почти не чувствовал холода. В голове была звенящая, опасная пустота.

Он шел по серым улицам Зареченска, мимо прохожих, которые спешили по своим делам, прячась под зонтами. Никто из них не знал, что прямо сейчас, в этих серых кабинетах, решается судьба человека, который просто хотел научить их детей думать самостоятельно. Для этого города он уже был приговорен.

Саид понимал, что подписка о невыезде — это лишь временная передышка. Машина запущена, и она не остановится. Коновалов и стоящие за ним люди не прощают сопротивления. Им нужен был показательный процесс, чтобы оправдать свое существование, свои бюджеты и свою власть над человеческими судьбами.

Он вернулся в свою пустую квартиру. Телефон на столе по-прежнему был мертв. Саид не стал ставить его на зарядку. Он сел на диван, глядя на серую стену, и впервые в жизни почувствовал, как вокруг него смыкается абсолютная, непроницаемая тьма.

Глава 4. Гражданская смерть

Стекло вибрировало от тяжелых, косых ударов дождя. В предрассветных сумерках комната казалась серой, размытой, лишенной четких контуров. Саид сидел на краю кровати, не зажигая света. На часах было начало шестого утра — то самое время, которое в учебниках по истории называют часом арестов, когда человеческий организм спит наиболее глубоко, а воля к сопротивлению сведена к минимуму.

Он не спал. Весь его нехитрый багаж — смена белья, зубная щетка и старая книга по социологии — лежал в простом рюкзаке у двери. Но подсознательно он все еще цеплялся за иллюзию того, что законность имеет какое-то значение. Вчерашний разговор со следователем Широковым оставил липкое, гнетущее ощущение неизбежности. Система не искала истину, она искала соответствие заранее написанному сценарию.

Резкий, оглушительный грохот в железную дверь заставил Саида вздрогнуть. Это был не просто стук — дверь содрогнулась от удара тяжелого сапога или кувалды.

— Открывайте! Полиция! — глухой, хриплый голос за дверью не оставлял иллюзий. — Открывайте, или мы ломаем замок!

Саид поднялся. Его движения были медленными, почти автоматическими. Он подошел к прихожей. В замочной скважине уже что-то скрежетало. Он повернул защелку сам.

Дверь мгновенно распахнулась, едва не ударив его по лицу. В узкий коридор ворвались несколько человек. Впереди шли двое в камуфляже и масках, с автоматами наперевес. Они грубо толкнули Саида плечами, прижимая его к стене.

— Руки на стену! Ноги шире! — скомандовал один из них.

Саид подчинился. Холодная штукатурка прижалась к его лбу. Он чувствовал, как чужие, жесткие пальцы быстро пробежались по его карманам, проверяя на наличие оружия.

— Чисто, — бросил автоматчик.

В квартиру вошел следователь Широков. На нем была серая куртка, воротник поднят, на лице — выражение глубокой скуки человека, выполняющего тяжелую, но привычную работу. За ним следовал молодой оперативник в гражданском и двое понятых — заспанный, испуганный парень в спортивном костюме из соседнего подъезда и пожилая женщина, кутающаяся в накинутое на плечи пальто. Она смотрела на Саида с ужасом и брезгливостью, словно перед ней стоял пойманный на месте преступления убийца.

— Ну что, Ахмедов, — негромко произнес Широков, проходя в комнату и не снимая обуви. На паркете сразу потянулись грязные, мокрые следы. — Придется провести у вас обыск. Вот постановление суда. Ознакомьтесь.

Он протянул Саиду лист бумаги. Саид пробежал глазами по тексту. «...в связи с наличием достаточных оснований полагать, что по месту жительства гражданина Ахмедова С.Ш. могут находиться материалы экстремистского характера, оружие, средства связи...»

— Понятые, пройдите в комнату, — скомандовал Широков. — Начинаем осмотр. Фиксируйте действия.

Оперативник в гражданском, парень с цепкими, холодными глазами, сразу направился к книжной полке. Он действовал методично, но безжалостно. Книги летели на пол одна за другой. Труды Вебера, Дюркгейма, учебники по логике и философии — все это бесцеремонно сбрасывалось, страницы шуршали, переплеты трескали под тяжелыми пальцами.

— Так, что тут у нас? — оперативник перебирал бумаги на рабочем столе. — Конспекты, распечатки... Все забираем на экспертизу.

Саид стоял у стены под присмотром одного из автоматчиков. Он молча наблюдал за тем, как его личное пространство, собиравшееся годами, превращается в груду мусора. Пожилая понятая тихонько вздыхала, прижимая руку к груди, а молодой парень безучастно смотрел в окно, мечтая только о том, чтобы этот кошмар поскорее закончился, и он мог вернуться в свою теплую постель.

— Гражданин следователь, — тихо сказал Саид. — Вы же понимаете, что здесь нет ничего противозаконного. Все эти книги находятся в свободном доступе в любой научной библиотеке.

Широков даже не повернулся. Он сидел за кухонным столом и неторопливо заполнял шапку протокола.

— Экспертиза разберется, Ахмедов. Наше дело — изъять.

В этот момент оперативник, обыскивавший комнату, подошел к платяному шкафу. Саид напрягся. Он знал, что в шкафу лежат только его немногочисленные вещи: две смены одежды, постельное белье и зимняя куртка.

Оперативник засунул руку в самую глубь нижней полки, за стопку аккуратно сложенных простыней. Его движения были слишком точными, словно он заранее знал траекторию. Через секунду он с торжествующим видом вытащил руку обратно.

— Опа. А это что у нас тут прячется? — громко произнес он, поворачиваясь к понятным.

В его руке был увесистый сверток. Саид почувствовал, как сердце пропустило удар. Сверток был упакован в абсолютно чистый, плотный полиэтилен, запаянный по краям. Сквозь прозрачный пластик отчетливо виднелись обложки двух книг в твердом переплете с характерным золотым тиснением на арабском и русском языках.

— Понятые, обратите внимание, — оперативник подошел к столу Широкова и положил сверток на свободное место. — Извлечено из платяного шкафа, из-под постельного белья. Упаковано герметично. Гражданин Ахмедов, что это?

— Я впервые это вижу, — голос Саида прозвучал глухо, но твердо. — Этого пакета не было в моем шкафу. Вы его туда подбросили.

Оперативник коротко, зло усмехнулся. — Ну конечно. Классика жанра. «Подбросили». Все вы так говорите. Илья Семенович, пиши: обнаружен полиэтиленовый пакет с литературой, предположительно входящей в Федеральный список экстремистских материалов.

Широков начал быстро писать, скрипя ручкой по дешевой бумаге протокола.

Саид смотрел на чистый полиэтилен. Пакет был идеально чистым, без единой пылинки или следа от пальцев, хотя лежал, по утверждению оперативника, в глубине шкафа, где пыль неизбежно скапливается на задних стенках. Это была топорная, наглая работа. Им даже не нужно было делать это правдоподобно. Для суда этой чистой упаковки будет более чем достаточно. На ней не найдут его отпечатков пальцев, но обвинение заявит, что он «принял меры конспирации, используя перчатки».

В голове Саида с бешеной скоростью начали прокручиваться варианты развития событий.

Если этот протокол будет подписан, его статус мгновенно изменится. Из подозреваемого по «мягкой» статье он превратится в обвиняемого в хранении и распространении экстремистских материалов. С учетом его «скрытой религиозной идентичности», о которой уже раструбили по телевидению, Широков без труда получит в суде санкцию на арест. Его закроют в СИЗО прямо сегодня. А там, в четырех стенах, без связи с внешним миром, без адвоката, которого он не может себе позволить, его просто заставят подписать любые признания. Система не оставит ему ни единого шанса на честный суд. Оправдательных приговоров по таким делам в стране было меньше десятой доли процента.

Он посмотрел на окно кухни.

Квартира находилась на втором этаже старого кирпичного дома. Кухонное окно выходило во внутренний двор, прямо на плоскую крышу одноэтажной пристройки, где располагался склад продуктового магазина. От крыши пристройки до земли было не больше двух метров. Это был единственный путь. Рискованный, безумный, но единственный.

— Илья Семенович, я могу воды попить? — тихо спросил Саид, делая шаг в сторону кухни. — В горле пересохло.

Широков, не поднимая головы от протокола, махнул рукой оперативнику: — Проводи его. Только быстро.

Оперативник лениво двинулся за Саидом. Он был уверен в своей полной безнаказанности и силе. Автоматчики остались в комнате, один из них что-то тихо рассказывал понятому-парню, который кивал с полусонным видом.

Саид зашел на кухню. На подоконнике стоял стакан. Он потянулся к крану, открыл воду. Оперативник остановился в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку и скрестив руки на груди. В его позе сквозила расслабленность хищника, загнавшего в угол добычу, которую уже ничто не спасет.

— Давай быстрее, учитель, — процедил он. — Скоро поедем в теплое место. Там тебе долго пить не захочется.

Саид сделал вид, что пьет. Его глаза были прикованы к оконной раме. Старый деревянный шпингалет. Если рвануть его вверх...

В этот момент в комнате зазвонил телефон Широкова. Следователь громко ответил, его голос отвлек оперативника буквально на долю секунды — тот повернул голову в сторону коридора, прислушиваясь к разговору начальства.

Этого мгновения Саиду хватило.

Он резко, всем телом навалился на оконную раму. Старый шпингалет с сухим треском вылетел из пазов. Саид рванул створку на себя и, не раздумывая ни секунды, выпрыгнул в открывшийся проем.

— Стоять! Назад! — заорал сзади оперативник, но было уже поздно.

Саид приземлился на мягкую, покрытую рубероидом и мокрым снегом крышу пристройки. Удар отозвался резкой болью в коленях, но он не остановился. Перекатившись, он подбежал к краю крыши и спрыгнул вниз, в темный, заваленный мусорными контейнерами переулок.

Сзади, на втором этаже, раздались крики, звон разбитого стекла и топот тяжелых ботинок.

— Ушел! Он ушел через окно! — надрывался голос оперативника.

Саид бежал. Он не выбирал дорогу, ориентируясь только на темноту и узкие проходы между гаражами. Мокрый снег летел в лицо, холодный ветер мгновенно пропитал его легкий джемпер. Он бежал без куртки, без шапки, в одних легких домашних туфлях, которые скользили по грязи и лужам.

В его карманах не было ничего. Ни телефона, который остался лежать на столе в комнате, ни паспорта, ни кошелька с деньгами. Все его документы теперь были в руках у Широкова. Он оставил в той квартире всю свою прошлую жизнь.

Через два часа бега и петляния по темным закоулкам Саид окончательно выбился из сил. Ноги онемели от холода, мокрая одежда тяжелым панцирем липла к телу. Дождь усилился, превратившись в сплошную стену холодной воды, которая смывала следы, но одновременно лишала последних сил.

Он находился на самой окраине Зареченска, в промышленной зоне. Вокруг тянулись бесконечные бетонные заборы с колючей проволокой, ржавые ангары и полуразрушенные складские помещения. Здесь не было уличного освещения, только изредка в темноте проносились редкие машины по объездной дороге.

Саид шел, прижимаясь к заборам. Каждая проезжающая машина заставляла его сжиматься и прятаться в тень. Он понимал, что сейчас по всему городу объявлен план перехвата. Его ориентировки, скорее всего, уже переданы всем патрульным экипажам. Человек без куртки, промокший до нитки в ноябрьский ливень, привлечет внимание любого полицейского.

Впереди, за полосой пожелтевшего бурьяна, показались очертания огромного серого здания с полукруглой крышей. Это было старое веерное депо, заброшенное еще в конце девяностых, когда обанкротился местный ремонтный завод. Железнодорожные пути, ведущие к нему, давно заросли кустарником и были частично разобраны на металлолом.

Саид пролез через поваленную секцию забора и побрел по ржавому щебню.

Внутри депо царил полумрак, нарушаемый лишь редкими вспышками далеких молний и тусклым светом, проникающим сквозь разбитые стеклянные панели на крыше. Пахло мазутом, сыростью и старым железом. Огромные проемы, где когда-то стояли тепловозы, теперь зияли пустотой. В углу стоял полуразобранный, покрытый ржавчиной вагон-бытовка.

Саид забрался внутрь вагона через выбитую дверь. Здесь было сухо, хотя ветер со свистом гулял сквозь щели в деревянной обшивке. Он нашел в углу кучу старого, грязного брезента, который когда-то служил укрытием для инструментов. Очистив его от налипшей грязи, Саид завернулся в плотную ткань, пытаясь согреть бьющееся в ознобе тело.

Его зубы стучали так громко, что этот звук казался ему чужим. Он прижал колени к груди, пытаясь сохранить остатки тепла.

В этой темноте, под монотонный шум дождя, барабанившего по железной крыше вагона, к нему пришло полное, леденящее осознание произошедшего.

Всего четыре дня назад он был Сергеем Дмитриевичем. Уважаемым учителем, человеком, который каждое утро входил в класс, здоровался с коллегами, пил чай в учительской и строил планы на будущее. У него была социальная идентичность — осязаемая, подтвержденная документами, трудовой книжкой, уважением учеников и стабильной, пусть и небольшой, зарплатой. Он был частью общества.

Теперь этой идентичности больше не существовало. Она была стерта, уничтожена за несколько дней с помощью нескольких газетных строчек, телевизионного эфира и сфабрикованного протокола обыска.

Для государства он теперь — беглый преступник, экстремист, человек вне закона. У него нет имени — есть только ориентировка в дежурных частях. У него нет прав — любой патрульный имеет право применить к нему силу при задержании. У него нет дома — его квартира опечатана, а вещи изъяты. У него нет даже возможности доказать свою невиновность, потому что без паспорта он не может нанять адвоката, подать жалобу или просто купить билет на поезд, чтобы уехать из этого проклятого города.

Это была гражданская смерть. Самая страшная форма наказания в современном мире, где человек существует только как набор цифровых записей в государственных базах данных. Стоит системе поставить напротив твоего имени определенную галочку — и ты исчезаешь. Ты становишься невидимкой, тенью, бродящей по окраинам жизни.

Саид закрыл глаза. Физическая боль от холода постепенно притуплялась, уступая место тяжелой, свинцовой усталости. Он понимал, что бежать вечно невозможно. Рано или поздно его найдут — от переохлаждения, голода или по доносу случайного прохожего.

Но в глубине его души, под слоями страха и отчаяния, все еще теплился слабый огонек той самой веры, которая помогала ему выживать в самые темные моменты жизни. Он не совершал того, в чем его обвиняли. Он не был преступником. И если система решила уничтожить его ради сохранения своих грязных тайн и бюджетов, он не облегчит ей задачу.

Он выживет. Чего бы ему это ни стоило.

Дождь за стенами вагона продолжал лить, смывая последние следы его прежней жизни с улиц Зареченска. Впереди была долгая, холодная ночь, и Саид Ахмедов впервые в жизни остался с ней один на один, без имени, без документов и без надежды на спасение.

Глава 5. Союз изгоев

Железнодорожные пути тонули в сером утреннем тумане, который выползал из низины у реки и пах сыростью, мазутом и гнилой листвой. Саид шел вдоль насыпи, пряча руки в рукава промокшего джемпера. Каждый шаг отзывался тупой болью в коленях — следствие прыжка на жесткую крышу пристройки. Домашние туфли, совершенно не предназначенные для ноябрьской слякоти, давно превратились в два тяжелых комка грязи. Его била крупная дрожь, но останавливаться было нельзя. На открытом пространстве он был слишком заметен.

В кармане брюк чудом уцелели две монеты по десять рублей и смятая сторублевая купюра — все, что он успел сунуть в карман перед тем, как в его дверь постучали. Этого не хватило бы даже на приличный обед, но сейчас у него были другие приоритеты. Ему нужно было тепло и безопасное место, где можно было подумать.

К восьми часам утра туман начал рассеиваться, открывая унылые контуры студенческого городка на окраине Зареченска. Саид знал этот район. Здесь, в одном из серых кирпичных общежитий, жил Максим Киреев — его бывший ученик, а ныне студент третьего курса факультета информационных технологий. Три года назад, когда Макс учился в одиннадцатом классе, он едва не вылетел из школы за то, что взломал внутреннюю сеть учебного заведения и выложил в открытый доступ базу данных с оценками и личными комментариями учителей о каждом ученике. Тогда разразился грандиозный скандал. Директор требовала исключения и передачи дела в полицию, но Саид, бывший тогда классным

руководителем Макса, сумел убедить администрацию, что парень действовал не из злого умысла, а ради демонстрации уязвимости системы. Саид тогда лично поручился за подростка, помог ему подготовиться к экзаменам и поступить в университет. Макс этого не забыл.

Саид подошел к небольшому круглосуточному павильону с дешевой выпечкой на автобусной остановке у общежитий. Отсюда хорошо просматривался вход в корпус. Из трубы павильона шел пар, пахло дешевым кофе и жареным тестом. Саид прислонился к стене, стараясь не привлекать внимания редких прохожих.

Через полчаса из дверей общежития вышел Макс. Он выглядел как типичный студент-айтишник: безразмерная черная куртка, глубокий капюшон, за спиной — потрепанный рюкзак, в ушах — беспроводные наушники. Он шел, уткнувшись в экран смартфона.

Саид сделал шаг вперед, преграждая ему дорогу.

— Макс.

Парень резко поднял голову. В его глазах на мгновение отразился испуг, который тут же сменился глубоким шоком. Он оглядел Саида — промокшего, грязного, без куртки, с серым от усталости лицом.

— Сергей Дмитриевич? — прошептал Макс, инстинктивно делая шаг назад и оглядываясь по сторонам. — Вы... я видел новости. Вчера по телеку этот... Коновалов такое нес. И в пабликах пишут, что вас ищут. Что случилось?

— Мне нужна помощь, Макс, — тихо сказал Саид. Его голос хрипел от холода. — У меня нет документов, нет телефона. И мне некуда идти.

Макс молчал несколько секунд, его пальцы быстро сжали лямку рюкзака. В его глазах шла напряженная внутренняя борьба. Помогать беглому учителю, которого по телевизору называли экстремистом, означало поставить под удар собственное будущее. Но парень быстро справился с эмоциями. Он решительно кивнул.

— Идемте. Здесь рядом есть одно место. Мой друг сдает полуподвал под ремонт телефонов, но сейчас там никого нет. Нам нужно уйти с улицы.

Через двадцать минут они сидели в крошечной, душной комнатке без окон, заваленной деталями от компьютеров, паяльными станциями и коробками с дисплеями. Макс налил Саиду горячего чаю из пластикового чайника и протянул свою старую, но сухую флисовую толстовку.

— Наденьте. Ваша одежда насквозь мокрая, — сказал Макс, садясь на крутящийся стул. — Рассказывайте. Только без цензуры. Что произошло на самом деле?

Саид медленно, глоток за глотком, пил горячий чай, чувствуя, как тепло постепенно возвращается в тело. Он рассказал все: про визит следователя Широкова, про обыск, про идеально чистый полиэтиленовый пакет с книгами, который оперативник достал из шкафа, и про свой прыжок из окна кухни.

Макс слушал не перебивая, лишь изредка быстро барабанил пальцами по столу. Когда Саид закончил, студент тяжело вздохнул.

— Топорная работа. Но эффективная. Им не нужны сложные схемы, Сергей Дмитриевич. В нашей судебной системе бумажка с синей печатью от «нужного» эксперта весит больше, чем любые законы физики. Если Коновалов написал, что вы кодировали детей, а Широков нашел книги — для судьи дело закрыто. Вас закроют в СИЗО, и оттуда вы уже не выйдете.

— Я понимаю, — Саид поставил пустой стакан. — Поэтому я и бежал. Но вечно прятаться в заброшенном депо я не смогу. Мне нужен юрист. Но не просто адвокат по назначению, который подпишет все бумаги следователя, а тот, кто понимает, с кем мы имеем дело.

Макс задумался, глядя на мерцающий экран своего ноутбука.

— Есть один человек. Но это риск. Огромный риск для нее и для вас. Ее зовут Елена Дмитриевна Власова. Она бывший адвокат областной коллегии. Пять лет назад она была одной из лучших по уголовным делам в городе. Но потом она перешла дорогу РАЦИРС.

— Что произошло? — спросил Саид.

— Она защищала людей, которых объявили сектантами, — ответил Макс, быстро открывая какую-то базу данных на ноутбуке. — Она пыталась доказать, что их экспертизы — это коммерческий заказ. В итоге ее лишили статуса

адвоката. Официально — за нарушение профессиональной этики и якобы за содействие экстремистским организациям. Сейчас она ведет частную практику, помогает людям по гражданским делам, но фактически живет на грани нищеты. Ее офис — это полуподвал на Красноармейской. Она ненавидит всю эту систему больше, чем кто-либо в этом городе.

Саид посмотрел на свои грязные руки.

— Она согласится помочь беглецу?

— Мы можем только спросить, — Макс закрыл ноутбук и поднялся. — Сидите здесь. Я съезжу к ней, поговорю. Если она согласится, я отвезу вас. На общественном транспорте вам сейчас светиться нельзя — на крупных узлах и в метро уже могут стоять патрули с ориентировками.

Офис Елены Власовой располагался в цокольном этаже старого кирпичного дома на улице Красноармейской. Над входом висела скромная, выцветшая вывеска: «Юридическая консультация». Внутри пахло сыростью, старой бумагой и дешевым табачным дымом.

Когда Макс привез Саида, на улице уже стемнело. Елена Дмитриевна встретила их у двери. Это была женщина лет сорока пяти, с резкими, точеными чертами лица, короткой стрижкой с заметной проседью и усталыми, но невероятно цепкими темными глазами. На ней был простой шерстяной кардиган, а в руке она держала дымящуюся сигарету.

Она молча оглядела Саида с ног до головы, задержав взгляд на его чужой флисовой толстовке и грязных туфлях.

— Заходите быстрее, — сухо сказала она, отступая в сторону. — И дверь закройте на засов.

Офис состоял из двух небольших комнат. Первая служила приемной: здесь стоял старый письменный стол, пара стульев для посетителей и огромный, до самого потолка, стеллаж, забитый серыми папками-скоросшивателями. Во второй комнате, отделенной тяжелой портьерой, стоял кожаный диван, журнальный столик и небольшой холодильник.

— Чай, кофе? — спросила Елена, проходя за свой стол.

— Чай, если можно, — тихо ответил Саид.

Она налила чаю из термоса, подождала, пока Саид сядет напротив, и сама села, глубоко затянувшись сигаретой.

— Макс мне в общих чертах рассказал вашу историю, Саид, — заговорила она. Ее голос был низким, слегка хриплым. — Но я хочу услышать это от вас. Каждое слово. Особенно про обыск и про то, что именно у вас нашли.

Саид повторил свой рассказ. Елена слушала его очень внимательно, делая пометки на чистом листе бумаги карандашом. Когда он упомянул идеально чистый полиэтиленовый пакет с книгами, она горько усмехнулась.

— Классика. Они даже не меняют сценарий. Зачем напрягаться, если суды все равно принимают это без вопросов? Саид, вы должны понимать свое реальное положение. Юридически вы сейчас — беглый подозреваемый. Прыжок из окна для суда — это сильный аргумент для следствия о риске скрыться. Широков уже наверняка вынес постановление о вашем розыске. Если вас поймут, вас закроют в СИЗО-1, и никакие жалобы не помогут.

— Я знаю, — спокойно ответил Саид. — Но если бы я остался, я бы уже сидел там. И у меня не было бы возможности даже рассказать правду.

Елена внимательно посмотрела на него. В ее глазах появилось что-то похожее на уважение.

— Верно. В СИЗО из вас быстро выбили бы признание. Широков умеет работать, я его знаю. Он не садист, он просто карьерист. Ему нужно закрыть дело с красивыми показателями. А дело против вас — это золотая жила для местного управления. «Разоблачение экстремистской ячейки в школе» — за это дают внеочередные звания и переводы в Москву.

Она поднялась, подошла к стеллажу с папками и провела рукой по их пыльным корешкам.

— Вы думаете, вы первый? — тихо спросила она. — Посмотрите на эти полки. Здесь архивы моих проигранных дел за последние семь лет. Это не просто бумаги. Это разрушенные жизни. И в каждом из этих дел торчат уши РАЦИРС.

Елена достала с нижней полки толстую серую папку с надписью «Дело № 04/18» и положила ее на стол перед Саидом.

— Вот вам первый микрокейс, — она открыла папку, показывая пожелтевшие листы судебных решений. — Май 2018 года. Благотворительный фонд «Светоч». Руководитель — Ирина Воронова. Они занимались реабилитацией наркозависимых по программам, которые в документах проходили как стандартные реабилитационные методики. Но у фонда был один недостаток — им принадлежало старое двухэтажное здание в самом центре города, на которое положил глаз один крупный застройщик, близкий к нашей администрации. Знакомая схема?

Саид кивнул.

— Так вот, — продолжила Елена. — Застройщик не стал выкупать здание по рыночной стоимости. Он обратился к антикультовому эксперту. Тот за скромное «пожертвование» на нужды своей ассоциации составил экспертное заключение. Он написал, что методы реабилитации фонда «Светоч» — это «деструктивные психотехнологии зарубежного происхождения, направленные на подавление воли пациентов и вовлечение их в неокультовую структуру». На основании этой бумажки прокуратура закрыла фонд за экстремизм. Здание ушло с молотка за бесценок. Ирина Воронова пыталась бороться, у нее случился инсульт прямо в зале суда. Сейчас она инвалид первой группы. А эксперт получил премию от администрации за «профилактику духовных угроз».

Она перелистнула несколько страниц и достала другой документ, датированный сентябрем 2020 года.

— А вот дело Павла Рогова. Обычный фермер из района. Он создал сельскохозяйственную коммуну — люди жили вместе, выращивали экологически чистые овощи, продавали их. Все официально, налоги платили. Но Рогов отказался платить дань местному криминальному авторитету, который крышевал районный агрохолдинг. И снова на сцене появляется Коновалов. Его экспертиза — это шедевр псевдонаучного бреда. Цитирую дословно по протоколу судебного заседания:

«Совместный труд членов коммуны Рогова, регулярное проведение общих трапез и чтение исторической литературы в вечернее время свидетельствуют о формировании у членов группы стойкой психологической зависимости от лидера. Данная структура имеет все признаки латентного тоталитарного культа

сельскохозяйственной направленности, представляющего угрозу для традиционного уклада жизни сельского населения».

Елена закрыла папку с глухим стуком.

— Суд даже не стал слушать независимых социологов из университета, которых я привела. Судья заявила, что у нее нет оснований не доверять авторитетному эксперту. Рогов получил четыре года общего режима. Его ферму прибрал к рукам тот самый агрохолдинг. А меня после этого процесса лишили лицензии. На меня написали жалобу в Минюст, заявив, что я «использую адвокатский статус для защиты и пропаганды экстремистских идей». И палата меня сдала. Без звука.

В комнате повисла тяжелая тишина. Саид смотрел на серые папки. Он понимал, что перед ним — не просто архив юридических неудач. Это была летопись работы отлаженного механизма, где закон использовался как инструмент для рейдерских захватов, устранения конкурентов и расправы с неудобными. И главным элементом этого механизма была «экспертиза» РАЦИРС.

— Елена Дмитриевна, — тихо сказал Саид. — Если все так, то как мы можем бороться? Если суды принимают их экспертизы как истину в последней инстанции, у нас нет шансов в правовом поле.

Елена села обратно за стол и посмотрела на него долгим, пронзительным взглядом.

— В правовом поле — нет, — твердо сказала она. — Если мы будем просто защищаться, писать жалобы Широкову или пытаться доказать в суде, что вы не вербовщик — мы проиграем. Суд просто проигнорирует наши доводы. Нам нужно изменить саму стратегию. Защищаться бесполезно. Нужно атаковать.

— Атаковать? Как? — спросил Макс, подавшись вперед.

— Нам нужно разрушить саму систему их лживых экспертиз, — Елена постучала карандашом по столу. — Они прикрываются научными званиями и заботой о «духовной безопасности». Но на самом деле это обычный коммерческий бизнес. У них есть прайс-лист. Они берут деньги за то, чтобы объявить любого человека или организацию «сектой» или «экстремистами».

Если мы сможем найти доказательства этой коммерческой деятельности — реальные финансовые документы, переписку, счета, подтверждающие заказной характер их экспертиз — вся их империя рухнет. И ваше дело, Саид, рассыплется вместе с ней. Потому что если эксперт признан коррупционером, все его заключения автоматически теряют юридическую силу.

Саид задумался. Стратегия Елены была рискованной, но это был единственный логичный путь. Оправдываться перед системой, которая изначально считает тебя виновным — это путь на плаху. Нужно было показать обществу и закону грязное нутро самой этой системы.

— Я согласен, — сказал Саид. — Но где мы найдем эти доказательства?

— Для этого у нас есть Макс, — Елена посмотрела на студента. — И его навыки. Но сначала нам нужно решить главный вопрос. Саид, вам нельзя возвращаться на улицу. И в общежитии у Макса вам тоже не место — там слишком много лишних глаз. Вы останетесь здесь.

Саид удивленно поднял глаза.

— Елена Дмитриевна, это огромный риск для вас. Укрывательство беглого подозреваемого — это уголовная статья. Если полиция придет сюда...

— Пусть приходят, — жестко оборвала его Елена. — Мне уже нечего терять. Мою карьеру они разрушили пять лет назад. Мое имя смешали с грязью. Я живу в этом подвале и выживаю на копейки от копеечных гражданских исков. Для меня помочь вам — это не просто профессиональный долг. Это мой личный шанс вернуть долг Коновалову и всей этой своре. У меня в дальней комнате, за стеллажами, есть небольшой склад. Там стоит старая кушетка, есть обогреватель и плитка. Жить можно. Главное — не подходить к окнам в дневное время.

Она поднялась и жестом позвала их за собой. За тяжелой портьерой действительно обнаружилась небольшая, заваленная коробками комната. Елена быстро навела там относительный порядок, освободив место для кушетки.

Макс тем временем достал из своего рюкзака небольшой плоский прибор и несколько проводов.

— Так, Сергей Дмитриевич... то есть Саид, — поправился студент. — Первым делом мы решим вопрос с безопасностью. Обычные телефоны для нас теперь —

табу. Любая сим-карта может быть отслежена по вышкам сотовой связи. Я принес вам вот это.

Он положил на стол старый, потертый аппарат, похожий на древний мобильник, но с измененным корпусом.

— Это телефон с кастомной прошивкой на базе открытого исходного кода, без каких-либо сервисов Google или Apple, — пояснил Макс. — В нем нет GPS-модуля, он физически удален. Связь будет идти только через зашифрованный мессенджер, который работает через пиринговую сеть. Никаких серверов, которые можно взломать или заставить выдать логи. Я настроил мост через несколько прокси-серверов за пределами страны. Мы сможем общаться только друг с другом. Если вам нужно будет связаться со мной или с Еленой Дмитриевной — используйте только его. И включайте его только в строго определенное время, на пять минут, не больше.

Саид взял холодный пластиковый корпус телефона. В этом маленьком устройстве была его единственная ниточка, связывающая его с миром, из которого его так безжалостно вычеркнули.

— Спасибо, Макс, — тихо сказал он.

— Это только начало, — серьезно ответил студент. — Теперь наша задача — найти цифровой след. Любая публикация, любая экспертиза оставляет следы в сети. Статья Радченко, которая вышла в пятницу, не могла появиться просто так. Ей кто-то дал команду. И этот «кто-то» наверняка оставил метаданные. Я начну копать с этого конца.

Елена подошла к окну приемной, которое находилось на уровне тротуара. Сквозь грязное стекло были видны только ноги прохожих, спешащих мимо по мокрому асфальту под зонтами. Дождь на улице не прекращался, превращая город в сплошное серое марево.

— Ну что, господа изгои, — тихо произнесла она, не оборачиваясь. — Добро пожаловать в сопротивление. С этого момента мы больше не жертвы. Мы — охотники. И пусть они думают, что победили. Тем больше будет их падение.

Саид сел на кушетку в своей новой, крошечной обители. В полумраке подвала, под тихий гул обогревателя и шорох дождя за стеной, он впервые за

последние дни почувствовал, как паника и холод отступают, уступая место ровной, ледяной решимости. Он больше не был один. У него был союзник, у которого система отобрала все, и ученик, который верил в него больше, чем в официальные новости.

Они начали свою игру. И правила в ней теперь предстояло устанавливать им.

Глава 6. Шаг в темноту

Зеркало в тесном туалете полуподвальной конторы Елены Власовой было старым, с пожелтевшими от сырости краями и трещиной в правом верхнем углу. Из него на Саида смотрел человек, которого он едва узнавал.

— Слишком аккуратный, — тихо произнесла Елена, стоявшая у него за спиной. В руках она держала тяжелые портновские ножницы и дешевую машинку для стрижки, купленную в ближайшем супермаркете. — Твоя борода, Саид, — это визитная карточка. В Зареченске не так много мужчин с такой ухоженной, чисто выбритой по контуру бородой. Для камер на перекрестках и для любого внимательного наблюдателя это почти готовая примета.

Саид молча кивнул. Он понимал, что прежний Сергей Дмитриевич — интеллигентный учитель в отглаженном джемпере — должен исчезнуть физически.

Елена работала быстро и безжалостно. Тяжелые пряди темных волос посыпались в раковину. Вместо привычной аккуратной стрижки на голове Саида появилась неровная, почти арестантская «единичка». Затем пришел черед бороды. Елена безжалостно сбрила ее, оставив лишь жесткую, неравномерную трехдневную щетину, которая мгновенно изменила овал лица, сделав его старше и грубее. Выдающиеся скулы, которые раньше скрадывались мягкими линиями бороды, теперь резко обозначились, придав лицу жесткое, почти хищное выражение.

— Теперь одежда, — Елена бросила на стиральную машину плотный сверток. — Забудь про свои пальто и шарфы. Вот рабочая куртка дорожного мастера — темно-синяя, со светоотражающими полосами на рукавах и спине. В таких половина города ходит, на них никто не смотрит. К ней — засаленные джинсы на размер больше и старая серая бейсболка. Натягивай козырек как можно ниже, но так, чтобы это не выглядело подозрительно.

Саид переоделся. Тяжелая, пахнущая дешевой синтетикой и пылью куртка сковывала движения, но в ней он действительно растворялся. Он стал частью того безликого городского ландшафта, который люди привыкли игнорировать.

— И самое главное, — Елена присела на корточки и протянула ему плоский, гладкий речной камушек размером с крупную монету. — Положи это в правый ботинок. Под пятку.

Саид удивленно посмотрел на нее. — Зачем?

— Современные городские системы безопасности — это не только распознавание лиц, — пояснила Елена, поднимаясь. — Лицо можно скрыть капюшоном или очками. Но нейросети, которые сейчас тестируют в нашем областном центре и постепенно внедряют у нас, анализируют походку. Длина шага, угол наклона корпуса, динамика переноса веса — у каждого человека этот паттерн уникален, как отпечатки пальцев. Камера на перекрестке Ленина и советской может не разглядеть твое лицо под козырьком, но она зафиксирует твою походку и выдаст совпадение на пульте дежурного. Камушек в обуви заставит тебя слегка прихрамывать, ломая твой привычный шаг. Это больно, но это спасет тебя от автоматического обнаружения.

Саид вложил камень в ботинок и наступил. Острая, тупая боль мгновенно пронзила пятку, заставив его инстинктивно перенести вес на левую ногу и ссутулиться. Его походка сразу потеряла прежнюю легкую, уверенную упругость. Теперь он шел тяжело, слегка заваливаясь набок — типичный работяга, возвращающийся со смены на заводе.

В комнату вошел Макс. Его лицо было бледным, под глазами залегли темные тени от бессонной ночи, но в глазах горел лихорадочный огонек азарта. Он поставил на журнальный столик свой ноутбук, который тихо гудел охлаждающим вентилятором.

— Есть зацепка, — без предисловий начал студент. — Я закончил первичный анализ цифрового следа статьи Кристины Радченко на «Зареченск-Инфо».

Саид и Елена пододвинули стулья ближе к столу.

— Радченко выложила материал в пятницу утром, — Макс открыл на экране консоль с какими-то строчками кода. — Но сам текст и сопутствующие изображения были загружены на сервер админки сайта еще в четверг вечером. Я смог вытащить исходный файл статьи в формате DOCX, который они использовали для верстки. Редакторы портала — ленивые люди, они просто скопировали текст, но сам файл остался в кэше сервера. И они забыли очистить метаданные.

Макс нажал несколько клавиш, и на экране открылось окно свойств файла.

— Посмотрите сюда, — палец Макса уперся в строчку «Автор документа». — Файл был создан не Кристиной Радченко. В графе «Последнее сохранение» стоит имя пользователя: Kovalev_DV. Дмитрий Викторович Ковалев. Отец Дениса. Но это еще не все. Самое интересное — в истории изменений и почтовых заголовках.

Макс вывел на экран лог-файл, содержащий техническую информацию о прохождении электронного письма.

— Этот документ пришел на личную почту Радченко в четверг в 16:14. И отправлен он был не с публичного сервиса вроде Mail.ru или Яндекс. Он был отправлен через внутренний почтовый сервер городской администрации — mail.adm-zarechensk.ru. Конкретный адрес отправителя — press-service@adm-zarechensk.ru. Это официальный ящик пресс-службы мэрии.

Елена медленно выдохнула, ее пальцы крепче сжали сигарету.

— То есть техническое задание на травлю Саида пришло напрямую из кабинетов власти. Они даже не пытались шифроваться.

— Они не думали, что кто-то будет копать, — жестко усмехнулся Макс. — Для них это обычная рутина. Но самое важное — это дата создания файла. Саид, когда у тебя был конфликт с Денисом из-за оценки?

— В пятницу, на шестом уроке, — ответил Саид. — Это было десятое ноября.

— Так вот, — Макс выделил синим цветом строчку в метаданных. — Первоначальный файл под названием Project_Ahmedov_draft.docx был создан на сервере администрации... двенадцатого октября. За четыре недели до того, как Денис вообще получил эту двойку и начал тебе угрожать.

В полуподвальной комнате воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Было слышно только, как дождь за окном стучит по железному отливу.

Саид смотрел на синие цифры на экране. Двенадцатое октября. В тот день он вел обычный урок в девятом классе, рассказывал им о структуре гражданского общества. Никаких конфликтов, никаких проверок, никаких угроз. Все было тихо и мирно.

— Это значит... — Саид запнулся, пытаясь уложить эту информацию в голову. — Это значит, что кампания против меня планировалась заранее? Но почему? Я обычный учитель. У меня нет политических амбиций, я не участвую в митингах, не пишу манифестов. Зачем администрации города готовить проект моей дискредитации за месяц до инцидента в классе?

— Ты недооцениваешь то, что делал, Саид, — Елена поднялась и начала мерить шагами комнату. — Твои уроки критического мышления. Ты учил детей не просто обществознанию. Ты учил их разбирать манипуляции, анализировать контракты, сомневаться в официальных отчетах. Помнишь Машу Смирнову? Ее отец — мелкий предприниматель, которого местная налоговая пыталась обанкротить по надуманному предлогу. Маша помогла ему составить запрос, используя те самые методы анализа документов, которые ты ей дал. И они отбились. А для нашей администрации любой гражданин, который начинает задавать правильные вопросы и защищать свои права — это системная угроза.

Она остановилась у стола, глядя на экран ноутбука.

— Но дело не только в этом. Ковалев и его строительный бизнес полностью завязаны на бюджетные подряды. Им нужен был громкий, показательный процесс, чтобы отвлечь внимание от чего-то крупного. Например, от хищений при строительстве нового моста через реку, о которых в городе начали шептаться еще в сентябре. А тут — идеальная мишень. Учитель с нетипичным именем, тайно исповедующий ислам. Идеальный образ врага, «сектант» и «экстремист», на которого можно списать любые проблемы и получить под это дело новые

бюджеты на «безопасность». Они готовили этот капкан заранее. А инцидент с Денисом просто стал удобным спусковым крючком, позволившим запустить процесс раньше времени.

— Нам нужны физические доказательства, — Саид посмотрел на Елену. — Этих метаданных в суде не пришьешь, Широков их просто проигнорирует, скажет, что Макс все сфабриковал на своем ноутбуке. Нам нужно подтвердить связи между фигурантами. Радченко, Ковалев, Коновалов. Они должны встречаться, передавать документы, подписывать счета.

— Согласна, — кивнула Елена. — И начать нужно с того, что можно проверить законно: публичные встречи, открытые мероприятия, редакционные контакты, официальные запросы и следы публикаций. Саид, тебе придется выйти в город.

Первая вылазка состоялась в понедельник в полдень. Саид шел по улице Ленина, стараясь держать голову опущенной. Камушек в правом ботинке нещадно давил на пятку при каждом шаге. Боль была тупой, изнуряющей, но она выполняла свою работу — его походка изменилась до неузнаваемости. Он больше не шел легким, размашистым шагом уверенного в себе человека. Теперь это был тяжелый, шаркающий шаг уставшего мужчины, переносящего вес тела на левую сторону.

На перекрестке у торгового центра на высоком столбе висела купольная камера высокого разрешения. Саид почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Он заставил себя не поднимать глаз, глядя только на мокрый асфальт перед собой. Козырек бейсболки полностью закрывал верхнюю часть лица от объектива, направленного сверху вниз. Он прошел под камерой. Никакого сигнала, никакого шума. Система его не заметила.

Его первой целью был офис редакции «Зареченск-Инфо» на улице Фабричной. Это было старое двухэтажное здание бывшей конторы ткацкой фабрики, затерянное среди промышленных складов. Саид должен был лично убедиться, действительно ли Радченко работает оттуда, или это лишь юридический адрес, а реальные встречи происходят в другом месте.

Он устроился на автобусной остановке напротив здания. В своей синей рабочей куртке он выглядел здесь абсолютно естественно — на этой остановке всегда толпились рабочие из соседних автосервисов.

Через сорок минут из дверей редакции вышла женщина. Саид мгновенно узнал ее по фотографиям в сети. Кристина Радченко. На ней было дорогое пальто горчичного цвета, резко контрастирующее с унылым серым фоном улицы. Она шла быстро, на ходу разговаривая по телефону. Ее лицо было напряженным, она постоянно оглядывалась, словно проверяя, нет ли за ней хвоста.

Радченко подошла к припаркованному у обочины черному внедорожнику Toyota RAV4. Саид прищурился, стараясь рассмотреть номерные знаки. *У 777 KX 159*. Он быстро записал номер в блокнот, который Елена дала ему перед выходом.

В этот момент дверь внедорожника открылась, но Радченко не села внутрь. Из машины вышел мужчина. Это был не водитель. Высокий, плотного сложения, в дорогой кожаной куртке. Дмитрий Викторович Ковалев.

Саид затаил дыхание. Они встретились прямо здесь, на полупустой улице в промзоне. Ковалев передал Радченко плотный бумажный конверт формата А4. Журналистка быстро спрятала его в свою сумку, что-то коротко ответила, и Ковалев сел обратно в машину. Внедорожник резко тронулся с места, подняв тучу грязных брызг из лужи. Радченко повернулась и пошла обратно в здание редакции.

Это была не просто встреча. Это была передача материалов, или денег. Прямо на глазах у Саида подтвердилась та самая связь, о которой говорил Макс. Ковалев лично курировал работу медиа-киллера.

Саид поднялся со скамейки. Нога сильно затекла, и боль от камушка на мгновение заставила его поморщиться. Но внутри него уже горел холодный, чистый огонь исследователя, который нашел первую важную деталь головоломки.

Второй точкой маршрута был загородный поселок «Лесной ручей» в пятнадцати километрах от города. Именно там, согласно открытым базам данных, находился загородный дом профессора Коновалова. Саид понимал, что

ехать туда на автобусе — значит потерять слишком много времени и рисковать быть замеченным на пригородном автовокзале, где контроль всегда жестче.

Он воспользовался старым трюком, который ему подсказала Елена. На окраине города, у строительного рынка, всегда стояли частные извозчики на старых машинах, готовые отвезти куда угодно за наличные без всяких приложений и фиксации поездки.

Саид подошел к потрепанной «Ниве» с помятым крылом. За рулем сидел пожилой мужчина в кепке, куривший дешевые сигареты.

— Отец, до «Лесного ручья» подбросишь? — спросил Саид, стараясь говорить хриплым, простуженным голосом. — Мне там на одном участке забор подправить надо, хозяин ждет.

Мужчина окинул взглядом его синюю куртку дорожного рабочего и грязные джинсы. Никаких подозрений. Обычный шабашник.

— Пятьсот рублей, — буркнул водитель.

— Идет.

Дорога заняла около двадцати минут. Поселок «Лесной ручей» оказался закрытым типом поселений для местной элиты: высокие кирпичные заборы, вековые сосны, ухоженные асфальтированные дорожки и автоматический шлагбаум на въезде с будкой охраны.

— Дальше не поеду, там охрана не пустит без пропуска, — сказал водитель, останавливая машину за сто метров до шлагбаума.

— Нормально, я пешком дойду, хозяин обещал встретить, — Саид протянул ему смятую пятисотрублевую купюру, которую ему дала Елена, и вышел из машины.

Он пошел вдоль забора поселка, делая вид, что разговаривает по телефону. На самом деле его аппарат был выключен, он просто держал его у уха, чтобы не вызывать вопросов у проезжающих мимо редких машин.

Дом Коновалова находился на третьей линии, у самого леса. Это был внушительный двухэтажный коттедж из темного бруса с панорамными окнами

и ухоженным газоном. Забор вокруг участка был не глухим кирпичным, а изящным, кованым, что позволяло хорошо рассмотреть внутренний двор.

Саид прошел мимо, хромя на правую ногу. Он заметил, что на доме установлены три камеры видеонаблюдения: одна над гаражом, направленная на въездные ворота, и две по углам здания, перекрывающие периметр. Но на самом заборе камер не было.

Возле гаража стоял серебристый седан Volvo S90 — личный автомобиль профессора. Самого Коновалова видно не было, но в окнах второго этажа горел мягкий свет.

Саид зафиксировал в памяти расположение камер, высоту забора и особенности рельефа у лесной границы участка. Он понимал, что этот дом — не просто место отдыха профессора. Именно здесь, вдали от городских офисов и университетских кафедр, Коновалов наверняка хранил свои самые важные документы. Человек его склада характера — педантичный, самовлюбленный, уверенный в своей полной безнаказанности — никогда не доверил бы компрометирующие материалы облачным сервисам или рабочему компьютеру в университете, где к ним могли получить доступ системные администраторы. Его личный архив должен был находиться здесь, под его непосредственным контролем.

Саид вернулся к шоссе пешком, пройдя около двух километров до ближайшей автобусной остановки на трассе. Нога горела от боли, камушек в ботинке стер кожу до крови, но он не обращал на это внимания.

Вечером в полуподвале Елены они снова собрались у стола. На стене висела большая бумажная карта Зареченска, на которой Елена маркером отмечала ключевые точки.

— Итак, что мы имеем на сегодня, — Елена провела линию от здания городской администрации к редакции «Зареченск-Инфо». — Связь между Ковалевым и Радченко подтверждена визуально. Передача конверта зафиксирована. Но главное — это временной разрыв, который нашел Макс. Двенадцатое октября.

Она повернулась к Саиду. — Саид, вспомни еще раз. Что происходило в твоей жизни в первой половине октября? Может быть, были какие-то странные звонки, встречи? Кто-то интересовался твоей работой?

Саид закрыл глаза, восстанавливая в памяти события месячной давности. Дни сливались в монотонную череду уроков, проверок тетрадей и вечерних молитв в пустой квартире. Но вдруг одна деталь всплыла в его памяти.

— Четвертое октября, — тихо сказал он. — За неделю до создания этого файла. К нам в школу приезжала комиссия из департамента образования. Официально — плановая проверка готовности к зимнему отопительному сезону и аудит учебных программ. Они заходили ко мне в кабинет. Один из проверяющих, мужчина в сером костюме, долго листал мои рабочие программы по обществознанию и спрашивал, почему я так много времени уделяю теме «Информационная безопасность и манипуляции в СМИ». Он еще тогда спросил: «Не считаете ли вы, Сергей Дмитриевич, что учить детей сомневаться в информации — это вредно в наше время?»

— Ты помнишь его имя? — быстро спросила Елена.

— На его бейдже было написано: «Смирнов А.В., главный специалист отдела контроля качества образования», — ответил Саид. — Но он постоянно созванивался с кем-то во время проверки. И я помню, как он фотографировал на телефон мои конспекты уроков, которые лежали на столе. Те самые конспекты, которые потом оказались у Коновалова.

Макс быстро застучал по клавишам.

— Смирнов Андрей Васильевич. Сейчас проверим... Да, есть такой в штатном расписании департамента. И знаете, кто его непосредственный начальник? Руководитель аппарата администрации города... который является родным братом Дмитрия Викторовича Ковалева.

Это была не просто месть за оценку избалованного подростка. Это была спланированная, системная операция, запущенная на уровне руководства города. Саид Ахмедов со своими уроками критического мышления стал костью в горле для людей, которые привыкли управлять городом как своей частной вотчиной, где никто не должен задавать лишних вопросов. Его методично

изучали, собирали компромат, готовили общественное мнение через подконтрольные СМИ, и ждали лишь удобного повода, чтобы нанести удар.

Саид посмотрел на свои руки, на которых еще остались следы от дешевой краски, которой он пытался изменить цвет волос. Он понимал, что масштаб заговора против него оказался гораздо больше, чем они предполагали вначале. Против него стояла не просто обиженная журналистка и амбициозный профессор. Против него стояла вся властная верхушка города, контролирующая суды, полицию, прессу и образование.

Но теперь у них было преимущество, о котором их противники даже не догадывались.

Они знали их планы. Они видели их следы. И они больше не собирались просто прятаться в темноте.

Глава 7. Цена «экспертизы»

Сырой ноябрьский воздух проникал сквозь щели в уплотнителе старой «Лады», в которой Саид и Макс сидели уже третий час. Стекла изнутри затянуло плотной пеленой конденсата, и Макс приходилось периодически протирать лобовое стекло рукавом старой куртки, чтобы не терять из виду въезд в загородный поселок «Лесной ручей». На коленях у студента лежал открытый ноутбук, экран которого был максимально приглушен.

— Лекция началась двадцать минут назад, — негромко произнес Макс, сверяясь с расписанием на сайте областного университета. — Тема: «Деструктивные культы как угроза национальной безопасности». Зал забит под завязку, там и пресса, и студенты, и представители епархии. Коновалов любит собирать аудиторию. Меньше двух часов он вещать не будет, плюс еще минут сорок на вопросы и автографы. У нас есть чистого времени около двух с половиной часов.

Саид поправил синюю рабочую куртку дорожного мастера. Камушек в правом ботинке, который он так и не вынул по настоянию Елены, тупо давил на пятку, напоминая о том, что его прежняя жизнь закончена, а нынешняя измеряется минутами и секундами.

— Камеры на въезде мы обойдем через лесной массив, — Саид посмотрел на темную стену соснового бора, вплотную подступавшую к забору поселка. — Ты уверен, что сможешь отключить или обойти систему домашней сигнализации?

— У Коновалова стоит стандартный комплект беспроводной безопасности от «Гольфстрима», — Макс показал на экране схему радиочастот. — Я настроил глушилку на частоту четыреста тридцать три мегагерца. Как только ты подойдешь к периметру, я активирую направленный импульс. Датчики движения и открытия дверей просто потеряют связь с базовой станцией. У них в логах это отобразится как временная потеря сигнала из-за атмосферных помех. Но у тебя будет не больше двадцати минут до того, как система отправит тревожный сигнал на пульт дежурного через резервный GSM-канал. Действовать нужно быстро.

Саид кивнул. Он взял со своего сиденья небольшую черную сумку с инструментами и флеш-накопителем, подготовленным Максом.

— Я пошел, — тихо сказал он. — Если через сорок минут я не вернусь — уезжай. Не рискуй.

— Возвращайтесь, Сергей Дмитриевич, — Макс впервые за день назвал его по старому имени-отчеству, и в его голосе прорезалась мальчишеская тревога. — Без вас мы эту стену не пробьем.

Саид бесшумно приоткрыл дверь машины и выскользнул в холодную сырость ноябрьского дня.

Лес встретил его хрустом промерзших веток и запахом прелой хвои. Саид шел быстро, несмотря на боль в пятке. Он сутулился, пряча лицо под козырьком серой бейсболки. Через десять минут он вышел к тыльной стороне участка Коновалова.

Кованый забор здесь граничил с густым малинником. Саид осмотрелся. Камеры на углах дома медленно поворачивались, сканируя пространство. Он дождался, пока объектив правой камеры уйдет в крайнее левое положение, быстро преодолел открытый участок земли и перемахнул через невысокое ограждение.

Дом профессора казался вымершим. Панорамные окна первого этажа отражали серое небо и верхушки сосен. Саид подошел к деревянной террасе с тыльной стороны здания. Здесь, как он и заметил во время первой разведки, находилась небольшая прачечная с узким окном-фрамугой, оставленным на зимнее проветривание.

Он достал из сумки тонкую пластиковую пластину, аккуратно просунул ее в щель между рамой и косяком, нащупал язычок замка и с легким щелчком отжал его. Окно поддалось. Саид подтянулся на руках, стараясь не шуметь, и протиснулся внутрь.

В доме было тепло и пахло дорогим деревом, воском для мебели и хорошим табаком. Саид замер, прислушиваясь. Тишину нарушал лишь мерный стук настенных часов в гостиной. Он быстро разулся, оставшись в плотных шерстяных носках, чтобы не оставлять грязных следов на дорогом паркете, и поднялся по деревянной лестнице на второй этаж.

Кабинет Коновалова располагался в конце коридора. Это была просторная комната с массивным письменным столом из темного дуба, кожаными креслами и стеллажами, забитыми книгами. На полках ровными рядами стояли труды Александра Дворкина: «Азы практического сектоведения», «Как создать православный апологетический центр» и, конечно, тяжелый том «Сектоведения», который местные борцы с инакомыслием почитали больше, чем любые законы страны.

Саид подошел к столу. На нем стоял моноблок Apple с большим экраном. Компьютер был выключен. Саид вставил в USB-порт подготовленный Максом накопитель с загрузочной операционной системой, которая позволяла обходить пароли локальных пользователей и копировать данные напрямую с жесткого диска.

Он нажал кнопку питания. Экран вспыхнул холодным белым светом. Саид затаил дыхание, глядя на бегущие строки кода на черном фоне. Через минуту перед ним открылся интерфейс файлового менеджера, получившего полный доступ к личным архивам профессора.

Саид начал быстро просматривать папки. Его пальцы летали по клавиатуре.

— Так, посмотрим, — шептал он, открывая каталог с названием «РАЦИРС_Регион».

Внутри обнаружилась сложная, разветвленная структура папок, разделенная по годам и судебным делам. Саид открыл папку «Экспертизы_2022_2023». Первое, что бросилось ему в глаза — файл под названием Price_list_consulting_2023.pdf.

Он открыл его. Это был официальный бланк регионального отделения РАЦИРС, на котором мелким шрифтом были расписаны тарифы на услуги организации. Саид почувствовал, как к горлу подступает тошнота от цинизма этих формулировок.

«Подготовка предварительного информационного заключения о наличии признаков деструктивного культа в деятельности организации/физического лица — от 80 000 рублей.

Составление комплексного экспертного заключения для представления в судебные органы и органы прокуратуры — от 150 000 до 300 000 рублей (в зависимости от объема анализируемых материалов).

Участие эксперта РАЦИРС в судебном заседании в качестве свидетеля со стороны обвинения (один судодень) — 50 000 рублей плюс оплата транспортных расходов и проживания.

Организация выездных лекций и семинаров президента РАЦИРС в регионе — от 250 000 рублей. Обязательные условия: авиаперелет бизнес-классом, трансфер представительского класса до аэропорта Москвы и от аэропорта прибытия, проживание в гостинице категории не ниже 4 звезд (одноместный люкс), суточные расходы — 15 000 рублей».

Саид быстро скопировал этот файл в папку на своей флешке. Это было прямое, неопровержимое доказательство того, что «борьба за духовную безопасность» являлась обычным коммерческим предприятием с фиксированными тарифами.

Но самые страшные находки ждали его дальше. В папке «Отчеты_финансы» содержались подробные таблицы в формате Excel, где фиксировались поступления денежных средств от различных коммерческих структур и частных лиц.

Саид открыл файл Reports_Perm_2021.xlsx. В нем содержались отчеты о получении денег от крупного застройщика, который фигурировал в деле Марии Колосовой — той самой женщины из пролога, у которой отобрали сына. Напротив ее фамилии стояла сумма: *350 000 рублей*. Назначение платежа было замаскировано под «благотворительный взнос на научно-просветительскую деятельность регионального отделения». Но в примечании к строке стояла короткая пометка Коновалова: *«Вопрос решен. Заключение передано в опеку и суд. Права матери ограничены»*.

Рядом находились отчеты по делу фермера Павла Рогова, о котором рассказывала Елена. Крупный агрохолдинг заплатил структуре Коновалова *500 000 рублей* за экспертизу, которая превратила обычную сельскохозяйственную коммуну в «тоталитарный культ». В примечании значилось: *«Земли переоформлены. Рогов осужден. Дело закрыто»*.

Саид копировал файл за файлом, чувствуя, как внутри него растет холодная, звенящая ярость. Это была не просто предвзятость. Это была отлаженная индустрия заказного насилия, где человеческие судьбы, семьи, дети и бизнес уничтожались по первому требованию платежеспособного заказчика.

Он наткнулся на папку с названием «Депрограммирование». Внутри содержались отчеты о деятельности так называемых «реабилитационных центров», связанных с РАЦИРС. Саид открыл один из документов, датированный прошлым годом. Это был отчет о «работе» с молодой девушкой, которую родственники насильно поместили в один из таких центров в Пермском крае.

«Объект доставлен в центр сотрудниками “Центра содействия государству в противодействии экстремистской деятельности” под руководством В. Приходько. На начальном этапе объект оказывал активное физическое и психологическое сопротивление, отказывался от приема пищи и участия в беседах со священником. Применены методы изоляции и ограничения подвижности. После пяти дней интенсивного психологического воздействия объект продемонстрировал признаки деструктуризации прежних культовых установок. Стоимость курса реабилитации составила 600 000 рублей, оплачено полностью».

Саид вспомнил то, что читала ему Елена из отчетов международных правозащитных организаций. Это было самое настоящее похищение людей, легализованное под видом «спасения душ». Родственники, напуганные пропагандой Коновалова и Дворкина, платили огромные деньги за то, чтобы их близких ломали физически и психически в закрытых заведениях, где любое сопротивление объявлялось «симптомом измененного сознания».

Он открыл еще одну папку — «Шаблоны_заключений». Здесь хранились десятки текстовых файлов, которые использовались экспертами РАЦИРС в разных регионах страны. Саид открыл несколько из них наугад и сравнил тексты. Они были практически идентичны. Тексты экспертных заключений из Новосибирска, Перми, Екатеринбурга и Томска совпадали до запятой, менялись только фамилии обвиняемых и названия организаций.

В одном из шаблонов, подготовленном для судов Новосибирской области местным деятелем Олегом Заевым, содержалась стандартная формулировка:

«В ответ на ваш запрос сообщаем, что данная организация признана многими ведущими религиоведами тоталитарной сектой деструктивного характера. В ее деятельности усматриваются признаки психологического насилия и манипулирования сознанием граждан».

В качестве «научного подтверждения» к этой справке прилагались ссылки на статьи самого Дворкина и распечатки из русской Википедии, которую, как следовало из переписки в соседней папке, сотрудники РАЦИРС регулярно редактировали сами, создавая нужный информационный фон перед судебными процессами.

Саид нашел и внутреннюю инструкцию по организации травли в СМИ, составленную неким Степаненко из Томска. Тот хвастался, как в 2011 году написал почти 170 статей и новостных сообщений для дискредитации местной общины кришнаитов перед судом над книгой «Бхагавад-гита как она есть».

«Главное — это грамотное информационное сопровождение, — писал Степаненко в своей инструкции. — Нужно создать у обывателя ощущение смертельной опасности, исходящей от объекта. Используйте самые жесткие формулировки, не бойтесь преувеличивать. Обыватель не будет проверять факты, он должен быть напуган. Когда общественное мнение подготовлено, суду гораздо проще вынести нужное нам решение».

Саид копировал эти файлы один за другим. Прогресс-бар на экране показывал 72%. Время неумолимо шло. Прошло уже пятнадцать минут с момента его проникновения в дом.

Вдруг его взгляд зацепился за текстовый файл, лежащий прямо на рабочем столе компьютера. Он назывался Мемо_Pitanov.txt. Саид открыл его и прочитал короткую выдержку, которая, по сути, являлась манифестом всей этой организации:

«На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать».

Это была цитата Виталия Питанова, одного из идеологов движения. Рядом с ней стояла цитата из книги Дворкина «Сектоведение», которую Саид скопировал полностью:

«Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона. Им всем присуща “двойная мораль” и “двойной стандарт”. Если их члены уверены, что цель, поставленная ими перед собой, “праведна” и “справедлива” (вернее было бы сказать: если их членам приказали считать поставленную перед ними цель “праведной” и “справедливой”. — А. Д.), они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к

контролированию сознания своих собратьев или, в конце концов, оклеветать должностных лиц и общественных деятелей, оказывающих им сопротивление, и даже физически устранить неудобного им человека (или группу лиц)...».

Саид горько усмехнулся. Дворкин с пугающей точностью описал собственную организацию. Именно РАЦИРС действовал как мафиозная структура, связанная железной дисциплиной и безоговорочным подчинением своему руководству, готовая лгать, клеветать и уничтожать людей ради денег и влияния.

Прогресс-бар дополз до 88%. Саид чувствовал, как от напряжения у него начинает болеть голова. Вдруг тишину дома нарушил далекий, но отчетливый звук.

Это был гул автомобильного двигателя, донесшийся со стороны въездных ворот.

Саид быстро подошел к окну кабинета и осторожно выглянул сквозь щель в жалюзи. К воротам участка подъезжал серебристый седан Volvo S90. Машина профессора.

Саид похолодел. На часах было всего 15:15. Лекция должна была закончиться только через сорок минут. Почему он вернулся раньше? Возможно, Коновалов сократил выступление, или его предупредила система безопасности, зафиксировавшая сбой связи, о котором говорил Макс.

Ворота начали медленно открываться. Volvo въехал во двор. Из машины вышли трое: сам Коновалов в своем неизменном твидовом пиджаке и двое крепких мужчин в черных куртках — личная охрана профессора, которую он нанял после того, как его деятельность начала вызывать слишком много вопросов у пострадавших от его экспертиз людей.

— Быстрее, — прошептал Саид, возвращаясь к компьютеру.

На экране светилось: 94%. Копирование файлов шло мучительно медленно. Каждая секунда казалась вечностью.

Внизу послышался тяжелый стук закрывающейся входной двери. Раздались голоса.

— Евгений Николаевич, я проверю периметр, — донесся снизу гулкий бас одного из охранников. — Датчики в гостиной выдавали ошибку связи десять минут назад.

— Да, проверь, — раздраженно ответил Коновалов. — И занеси папки из багажника в кабинет. Мне нужно подготовить документы для завтрашнего заседания.

Шаги охранника зазвучали на первом этаже. Он двигался в сторону кухни и прачечной — туда, откуда Саид проник в дом.

97%... 99%...

Экран наконец мигнул зеленым: *«Копирование завершено. Устройство можно извлечь»*.

Саид резко выдернул флешку из порта, сунул ее в карман куртки и нажал кнопку выключения моноблока. Экран погас, но компьютер продолжал тихо гудеть, охлаждая процессор. Саид понимал, что времени приводить кабинет в первоначальный вид у него нет.

Он услышал, как тяжелые шаги начали подниматься по деревянной лестнице на второй этаж. Охранник шел наверх.

Саид огляделся. Дверь кабинета была единственным выходом в коридор. Бежать туда — значит столкнуться с вооруженным профессионалом лицом к лицу.

Оставалось только окно.

Саид быстро подошел к панорамному окну кабинета, выходящему на задний двор. Оно было закрыто на замок. Он аккуратно повернул ручку, стараясь не шуметь, и приоткрыл створку. Холодный воздух и мелкий снег мгновенно ворвались в теплую комнату.

До земли было около четырех метров. Внизу, прямо под окном, рос густой куст можжевельника, припорошенный снегом, а чуть дальше начинался пологий склон, уходящий в сторону леса.

Дверная ручка кабинета дернулась.

Саид не стал раздумывать. Он перемахнул через подоконник и прыгнул вниз, сгруппировавшись в воздухе.

Удар о землю был жестким. Саид приземлился на ноги, но правая нога, в которой все еще лежал камушек, подвернулась. Острая, пронзительная боль пронзила лодыжку, заставив его вскрикнуть. Он покатился по мокрому снегу, ломая ветки можжевельника.

Сверху, из открытого окна кабинета, раздался яростный крик:

— Эй! Кто там?! Стоять, стрелять буду!

Охранник высунулся из окна, в его руке тускло блеснул вороненый бок пистолета.

Саид, преодолевая дикую боль в ноге, вскочил и, сильно хромя, бросился в сторону соснового бора. Сзади раздался сухой, резкий хлопок выстрела. Пуля с тихим свистом срезала сосновую ветку в полуметре от его головы.

— За ним! Он уходит в лес! — орал охранник сверху.

Саид бежал, не разбирая дороги. Адреналин полностью заглушил боль в подвернутой ноге. Он продирался сквозь густой кустарник, ветки царапали лицо, сбивали бейсболку, но он не останавливался. Он понимал, что если его поймут здесь, в загородном доме профессора, с флешкой, забитой компроматом, живым он отсюда уже не выйдет. Его просто объявят «террористом, совершившим нападение на известного ученого», и ликвидируют при «попытке к бегству».

Сзади слышался тяжелый треск ломающихся веток. Охранники Коновалова были тренированными людьми, они быстро сориентировались и начали преследование.

— Стой, сука! Все равно не уйдешь! — доносились их голоса из глубины леса.

Саид использовал то единственное преимущество, которое у него было — знание местности, полученное во время предварительного планирования. Он не побежал к шоссе, где его легко могли перехватить на машине. Вместо этого он повернул в сторону глубокого оврага, по дну которого протекал незамерзающий ручей.

Он скатился по крутому, скользкому склону оврага, едва удерживая равновесие. Вода в ручье была ледяной, она мгновенно промочила его ботинки, но Саид пошел прямо по руслу, стараясь не оставлять следов на снегу.

Через пять минут бега по воде он выбрался на противоположный склон оврага и залег под поваленной елью. Сердце билось в груди как сумасшедшее, дыхание со свистом вырывалось из легких.

Он прислушался.

Голоса преследователей доносились со стороны оврага, но они звучали тише и растерянее. Охранники потеряли его след у ручья.

— Куда он делся? — тяжело дыша, спрашивал один из них.

— Не знаю, след оборвался у воды. Давай проверим ниже по течению.

Саид подождал еще несколько минут, пока звуки их шагов окончательно не затихли в отдалении. Затем он медленно поднялся. Нога горела огнем, каждый шаг давался с огромным трудом. Он достал из кармана куртки флешку. Маленький кусочек черного пластика был цел.

Он сделал это. Документы, доказывающие коммерческий, заказной характер деятельности РАЦИРС, были у него.

Саид побрел сквозь лесную чащу в сторону объездной дороги, где его должен был ждать Макс. Он шел, опираясь на толстую сосновую ветку, сутулясь и хромая, но внутри него больше не было страха. Была только холодная, твердая уверенность в том, что они нашли слабое место в броне этой безжалостной машины. И теперь у них было чем ответить.

Глава 8. Кровавый след

Дождевая вода стекала по стеклу цокольного окна, размывая силуэты редких прохожих на Красноармейской улице. В полуподвальном офисе Елены Власовой пахло крепким чаем, дешевым табаком и подсыхающей штукатуркой.

На столе, среди стопок старых юридических справочников, лежала развернутая карта промышленной зоны Зареченска.

Елена сидела, облокотившись на стол и подперев подбородок кулаком. Ее темные глаза, обычно холодные и собранные, сейчас казались воспаленными от бессонницы.

— Ее зовут Лариса Петровна Семенова, — тихо произнесла Елена, указывая карандашом на точку у самого берега реки, где на карте значился старый речной порт. — Пять лет она проработала главным бухгалтером в региональном отделении РАЦИРС. Уволилась полгода назад. Официально — по собственному желанию в связи с выходом на пенсию. Неофициально — ее вежливо попросили уйти после того, как она начала задавать слишком много вопросов о целевом расходовании средств, поступавших на счета их некоммерческого фонда.

Саид, сидевший на краю кушетки в своей синей рабочей куртке, поднял голову. Его лицо, лишенное привычной аккуратной бороды, осунулось и потемнело. Трехдневная щетина делала его похожим на человека, который провел в бегах не несколько дней, а долгие месяцы.

— Почему она решила заговорить именно сейчас? — спросил он. — Люди ее склада ума обычно предпочитают молчать и жить на свою пенсию.

— Потому что она напугана, — Елена сделала глубокую затяжку и выпустила облако серого дыма в сторону потолка. — Две недели назад к ней домой приходили двое. Не представились, но вежливо поинтересовались, не остались ли у нее рабочие архивы на домашнем компьютере. Намекнули, что в ее возрасте вредно дышать городским воздухом и что у ее внука могут возникнуть проблемы в институте. Лариса Петровна — женщина старой закалки, но не глупая. Она поняла, что ее хотят заставить молчать. Она знает всю финансовую кухню Коновалова. Абсолютно всю.

Елена достала из папки лист бумаги с записями.

— Она подтвердила, что у Коновалова и Кристины Радченко открыты счета в зарубежных банках. В частности, в одном из филиалов банка в Никосии, на Кипре, оформленном на подставную компанию *Barents Trade Ltd*. Туда переводились деньги от местных застройщиков и чиновников за проведение «экспертиз». Лариса Петровна успела скопировать эти выписки перед

увольнением. Там есть все: даты, суммы, исходящие счета компаний Дмитрия Ковалева. Это не просто компромат, Саид. Это приговор для всей их схемы.

— Где она хочет встретиться? — спросил Саид, чувствуя, как внутри начинает нарастать знакомое напряжение.

— В порту. На четвертом пирсе, — Елена постучала карандашом по карте. — Сегодня в одиннадцать вечера. Место глухое, заброшенное. Она категорически отказалась встречаться в городе, в кафе или парках. Боится камер и слежки. Порт сейчас практически не охраняется, там только один сторож на въезде, который за бутылку водки закроет глаза на что угодно.

Саид посмотрел на свои ботинки. Камушек, который он так и не вынул из правого туфля, продолжал давить на пятку, напоминая о необходимости сохранять осторожность.

— Это может быть ловушкой, Елена Дмитриевна, — тихо произнес он. — Если за ней следят, то ее телефон наверняка прослушивается.

— Мы не созванивались по обычной связи, — покачала головой Елена. — Я передала ей записку через ее соседку, мою бывшую клиентку. Никаких цифровых следов. Но риск, конечно, есть. Поэтому ты пойдешь туда один. Макс останется в машине на подъезде к порту, чтобы подстраховать тебя и обеспечить связь. Если что-то пойдет не так, он вызовет такси или попытается отвлечь внимание.

Елена поднялась, подошла к сейфу в углу комнаты и достала оттуда небольшой предмет, завернутый в темную ткань.

— Лариса Петровна настаивала на одном условии, — сказала она, разворачивая ткань. Внутри оказался маленький пластиковый контейнер на магните, какие обычно используют для хранения запасных ключей под днищем автомобиля. — Она понимает, что за ней могут прийти в любой момент. Если на пирсе возникнет опасность, она не будет ждать тебя. Она спрячет флешку с документами в условленном месте — под настилом четвертого пирса, на первой железной балке с правой стороны. Запомни это. Если увидишь, что встреча срывается, не пытайся ее спасать. Твоя задача — забрать данные и уйти.

Саид молча кивнул. Он понимал циничную, но абсолютно верную логику адвоката. В этой игре человеческая жизнь уже стала разменной монетой.

Чтобы проиллюстрировать серьезность ситуации, Елена вытащила из папки еще один документ — копию заключения о смерти четырехлетней давности.

— Посмотри на это, Саид, — она положила лист перед ним. — Виктор Степанович Рыбаков. В 2019 году он работал аудитором в контрольно-счетной палате области. Наткнулся на странные схемы финансирования «научно-просветительских программ» РАЦИРС из городского бюджета. Там фигурировали миллионы рублей, которые уходили на личные счета Коновалова под видом оплаты лекций. Рыбаков попытался инициировать официальную проверку. Через три дня его нашли в собственном гараже. Официальная версия — отравление угарным газом, несчастный случай при ремонте автомобиля. Но его жена утверждала, что Виктор никогда не ремонтировал машину сам и панически боялся замкнутых пространств. Дело замяли за сутки. Коновалов тогда лично выступил на местном ТВ и заявил, что Рыбаков «находился в глубоком депрессивном состоянии из-за семейных проблем».

Саид вчитался в сухие строчки медицинского заключения. Никаких следов насилия, чистая бумага, подписанная нужным патологоанатомом. Система умела убирать тех, кто пытался заглянуть за кулисы ее финансового благополучия.

Ноябрьская ночь опустилась на Зареченск тяжелым, сырым одеялом. Мокрый снег, переходящий в ледяной дождь, превратил улицы в скользкое месиво. Старая «Лада» Макса остановилась в полукилометре от въезда в речной порт, у заброшенной автобазы.

— Дальше пешком, Сергей Дмитриевич, — тихо сказал Макс, не включая свет в салоне. — Я буду ждать здесь. Двигатель глушить не буду, чтобы стекла не замерзли. Если через час не вернетесь, я начну действовать по плану «Б».

— Береги себя, Макс, — Саид пожал руку парня и вышел из машины.

Камушек в ботинке мгновенно отозвался резкой болью в пятке. Саид сутулился, натянув козырек бейсболки на самые глаза. Синяя куртка дорожного

рабочего отлично маскировала его в темноте — в таком виде он казался обычным обходчиком путей или дежурным слесарем.

Порт встретил его мертвой тишиной, нарушаемой лишь мерным, тяжелым плеском темной речной воды о бетонные плиты набережной. Огромные порталыные краны высились в ночном небе подобно скелетам доисторических животных. Кое-где на территории горели тусклые желтые фонари, но большая часть пространства тонула в глубоких, вязких тенях. Пахло ржавым железом, гниющим деревом и мазутом.

Саид шел вдоль железнодорожной ветки, ведущей к причалам. Нога сильно болела, но он заставлял себя хромать, ломая привычный ритм шагов. Камеры наблюдения, если они здесь и были, вряд ли могли зафиксировать что-то подозрительное в фигуре медленно бредущего рабочего.

Четвертый пирс находился в самом конце портовой территории. Это была старая деревянная эстакада на бетонных сваях, уходящая в реку метров на пятьдесят. Настил пирса давно прогнил, во многих местах зияли черные дыры, сквозь которые была видна темная, холодная вода.

Саид залег за кучей ржавых металлических труб в тридцати метрах от начала пирса. На часах было 22:50.

Через несколько минут со стороны подъездной дороги слышались шаги. Кто-то шел медленно, часто останавливаясь и оглядываясь. В тусклом свете далекого фонаря показался силуэт женщины. На ней было старое болоньевое пальто и вязаный платок. В руках она крепко сжимала потертую кожаную сумку.

Это была Лариса Петровна Семенова.

Она подошла к началу пирса, нерешительно остановилась и посмотрела на часы. Ее дыхание вырывалось изо рта белыми облачками пара. Женщина явно была на грани паники — она вздрагивала от каждого шороха, от каждого резкого порыва ветра, раскачивающего ржавые листы железа на соседнем складе.

Саид уже собирался подняться и сделать шаг навстречу, как вдруг тишину порта разорвал резкий, визгливый звук автомобильных шин.

Со стороны въезда, выключив фары, на большой скорости вылетел темный минивэн — судя по очертаниям, Ford Transit без государственных номеров.

Машина пронеслась по бетонной площадке и резко затормозила, перекрывая выход с пирса.

Двери минивэна мгновенно распахнулись. Из салона выскочили трое мужчин в черной тактической одежде, бронежилетах и балаклавах, полностью закрывающих лица. В их руках были короткие автоматы. Действовали они молча, с пугающей, профессиональной четкостью.

Лариса Петровна вскрикнула, попыталась побежать назад, вглубь пирса, но споткнулась о гнилую доску и упала на колени.

— Стоять! Лежать на месте! — глухо крикнул один из нападавших.

Они подлетели к ней за секунду. Один из мужчин грубо схватил женщину за шиворот пальто, поднимая ее с земли, а второй вырвал из ее рук кожаную сумку.

— Где документы, сука? — хрипло спросил третий, прижимая ствол автомата к ее лицу. — Где флешка? Говори быстро!

— Нет у меня ничего... — заплакала Лариса Петровна, ее голос дрожал от смертельного ужаса. — Отпустите меня, ради Бога... Я ничего не знаю...

Один из мужчин быстро перерыл содержимое ее сумки, вытряхивая на грязный бетон кошелек, ключи, старые квитанции и лекарства. Флешки внутри не было.

— В машине разберемся, — жестко бросил тот, кто держал сумку. — Закидывай ее в салон. Живее!

Они потащили плачущую, упирающуюся женщину к минивэну. Лариса Петровна потеряла один ботинок, ее вязаный платок сполз на плечи, обнажив седые, растрепанные волосы. Она пыталась кричать, но один из мужчин грубо зажал ей рот ладонью в кожаной перчатке.

Саид сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Его сердце билось в груди как сумасшедшее, адреналин требовал броситься вперед, защитить беззащитную женщину. Но холодный разум, тренированный годами самоконтроля, удерживал его на месте. Он понимал: если он сейчас обнаружит себя, это не спасет Ларису Петровну. Его просто застрелят на месте или закроют

вместе с ней в том же минивэне. И тогда правда о преступлениях Коновалова и Ковалева никогда не выйдет наружу.

Двери минивэна захлопнулись с глухим, металлическим стуком. Машина резко развернулась, подняв тучу грязных брызг, и на большой скорости скрылась в темноте, растворившись среди портовых складов.

На пирсе снова воцарилась мертвая, звенящая тишина. Только на бетоне остался лежать потерянный ботинок Ларисы Петровны и рассыпанные из ее сумки таблетки.

Саид подождал еще около пяти минут, не шевелясь и прислушиваясь к каждому звуку. Порт казался вымершим. Нападавшие уехали, уверенные, что забрали свидетеля и полностью контролируют ситуацию. Они не знали, что Лариса Петровна успела выполнить условие Елены до того, как ее перехватили.

Саид медленно поднялся из-за труб. Нога сильно затекла, и боль от камушка в ботинке заставила его стиснуть зубы. Он пошел к пирсу, стараясь держаться в тени портовых кранов, ступил на деревянный настил четвертого пирса. Доски под его ногами жалобно скрипели и прогибались. Внизу, в полуметре под настилом, глухо шумела черная речная вода.

Саид дошел до середины пирса, опустился на колени и заглянул под деревянный настил с правой стороны. Темнота там была абсолютной, непроницаемой. Он достал из кармана куртки маленький фонарик-брелок, прикрыл его пальцами, оставив лишь узкую щель для света, и посветил вниз.

На первой железной балке, покрытой толстым слоем ржавчины и речной грязи, тускло блеснул маленький черный предмет. Это был тот самый магнитный контейнер, о котором говорила Елена. Лариса Петровна успела закрепить его там до того, как минивэн ворвался на территорию порта. Она понимала, что за ней могут следить, и приняла меры предосторожности.

Саид лег на живот, вытянулся всем телом над черной дырой в настиле и потянулся рукой вниз. Его пальцы скользили по холодному, мокрому металлу балки. Ледяная вода, поднимаемая порывами ветра, брызгала ему в лицо, обжигая кожу.

Еще немного... Еще пару сантиметров...

Его пальцы наконец нащупали холодный пластик контейнера. Саид с усилием потянул его на себя, преодолевая сопротивление сильного магнита. Контейнер поддался и оказался в его руке.

Саид быстро поднялся, сунул контейнер в глубокий внутренний карман куртки и пошел обратно к выходу из порта. Он двигался быстро, почти забыв о боли в ноге.

Произошедшее на его глазах задержание Ларисы Петровны Семеновой окончательно сорвало все маски. Это были не просто административные интриги, не просто желание чиновника Ковалева защитить своего избалованного сына или стремление Коновалова заработать на очередной экспертизе. Это была безжалостная, хорошо организованная преступная группа, готовая пойти на похищение и, возможно, физическое устранение любого, кто встанет на их пути. Человеческая жизнь для этих людей не стоила абсолютно ничего. Они защищали свои миллионы, свои офшорные счета и свою власть над городом.

Когда Саид вернулся к машине, Макс мгновенно открыл пассажирскую дверь.

— Сергей Дмитриевич! Слава Богу! — выдохнул студент, всматриваясь в его бледное, мокрое от дождя лицо. — Что там произошло? Я видел, как со стороны причалов на большой скорости вылетел темный фургон без номеров. Они... они ее забрали?

— Да, — тихо ответил Саид, садясь на сиденье и закрывая дверь. Его зубы стучали от холода и пережитого шока. — Ее забрали люди Ковалева. Действовали профессионально, без лишних слов. Сумку перерыли, но ничего не нашли.

Он достал из внутреннего кармана мокрый пластиковый контейнер и открыл его. Внутри, завернутая в кусочек сухой ткани, лежала маленькая металлическая флешка серебристого цвета.

— Она успела спрятать ее под пирсом, — Саид протянул флешку Макс. — Здесь все финансовые документы РАЦИРС. Все их офшоры, все проводки от Ковалева.

Макс взял флешку, его пальцы заметно дрожали. Он вставил ее в USB-порт ноутбука, лежащего на его коленях. Экран компьютера вспыхнул, отражаясь в стеклах его очков.

— Сейчас проверим... — прошептал Макс, быстро нажимая клавиши. — Да, файлы читаются. Здесь огромный архив. Таблицы, сканы банковских выписок, договоры... И здесь есть аудиофайлы. Записи телефонных разговоров Коновалова.

Саид погрузился в спинку сиденья и закрыл глаза. В салоне машины было тепло, но его продолжал бить внутренний озноб. Он понимал, что с этого момента их игра перешла на совершенно иной уровень. Они больше не просто защищали его честное имя. Они держали в руках бомбу, способную взорвать всю властную верхушку региона.

И те, кто только что увез Ларису Петровну в неизвестном направлении, сделают все, чтобы эта бомба никогда не взорвалась.

— Поехали к Елене, — тихо сказал Саид. — Нам нужно понять, что на этих записях. И сделать это нужно до того, как они поймут, что флешка осталась у нас.

Машина Макса мягко тронулась с места, унося их прочь от темного, холодного речного порта, где на грязном бетоне остался лежать одинокий женский ботинок — немой свидетель того, на что готова пойти система ради сохранения своих грязных тайн.

Глава 9. Анатомия заговора

Сырой, пропитанный запахом плесени и старой бумаги воздух полуподвала казался неподвижным. Саид сидел на краю жесткой кушетки, бережно придерживая руками правую лодыжку. Он наконец-то снял тяжелый рабочий ботинок и вытряхнул из него плоский речной камушек, который Елена заставила его положить под пятку для изменения походки. Пятка была стерта до крови, а лодыжка после прыжка из окна кабинета Коновалова и стремительного

бега по лесу распухла, превратившись в сплошную ноющую гематому. Каждое движение отзывалось тупой, изнуряющей болью, но физическое страдание сейчас казалось чем-то второстепенным, почти незаметным на фоне того липкого, холодного ужаса, который принес с собой ночной визит в речной порт.

Елена молча поставила перед ним кружку с горячим чаем. Ее пальцы, обычно уверенно державшие сигарету, заметно дрожали. Она не задавала вопросов — она видела лицо Саида, когда он вошел в подвал, и видела мокрый пластиковый контейнер, который он молча положил на стол.

Макс сидел за своим рабочим столом, уткнувшись в экран ноутбука. Его лицо, освещенное синеватым сиянием монитора, казалось восковой маской. Он работал быстро, его пальцы лихорадочно стучали по клавишам, используя найденную в архиве Ларисы Петровны подсказку к паролю VeraCrypt, которым Лариса Петровна Семенова закрыла свой архив перед тем, как ее жизнь превратилась в разменную монету в чужой грязной игре.

— Есть доступ, — негромко произнес Макс, нарушая гнетущую тишину. — Контейнер расшифрован. Здесь три основных каталога: «Финансы», «Переписка» и «Аудио». С чего начать?

— С аудио, — глухо ответила Елена, садясь на скрипучий стул рядом со студентом. — Финансы мы и так примерно представляем, а вот голоса... Голоса в суде не сотрешь.

Макс кликнул по первой папке. В ней содержалось около десятка файлов в формате WAV. Большинство из них имели технические названия с датами и временем. Макс выбрал файл, датированный восьмым ноября — за два дня до того, как в классе Саида разразился скандал с Денисом Ковалевым.

Из динамиков ноутбука раздался тихий шорох, сменившийся длинными, протяжными гудками телефонного вызова. Затем послышался щелчок, и в комнате зазвучал глубокий, хорошо поставленный баритон профессора Коновалова.

— Да, Дмитрий Викторович. Я на связи.

— Евгений, — второй голос был резким, властным, с характерной хрипотой человека, привыкшего отдавать приказы и выкуривать по две пачки сигарет в

день. Саид мгновенно узнал этот голос — это был Дмитрий Викторович Ковалев, влиятельный городской чиновник, отец Дениса. — У нас тут нарисовалась проблема с этим школьным учителем. Ахмедовым. Мой парень говорит, что этот умник уперся рогом. Двойку исправлять отказывается, лепечет что-то про стандарты и критическое мышление. Но дело даже не в оценке. Мой брат из администрации говорит, что этот Ахмедов на своих уроках дает детям задания анализировать наши муниципальные контракты. Они там разбирают закупки по ремонту дорог и строительству моста. Ты понимаешь, чем это пахнет, если эти сопляки начнут дома родителям вопросы задавать?

— Я понимаю, Дмитрий Викторович, — Коновалов на записи усмехнулся, и в его смехе сквозило сытое, ледяное превосходство. — Я посмотрел его учебные планы. Парень действительно заигрался в демократию. Учит их сомневаться в официальной информации, искать манипуляции. В нашей методологии это классифицируется как латентная подготовка к когнитивной дестабилизации. Очень удобная формулировка для следствия.

— Мне плевать на твою методологию, Евгений, — грубо оборвал его Ковалев. — Мне нужен результат. Ахмедов слишком много думает. Нарисуй ему экстремизм, Радченко поднимет вой в СМИ, пусть закроют парня. Нам нужно убрать его из школы и из города до того, как начнется плановая проверка из федерального казначейства по строительным подрядам. Если он продолжит копать со своими учениками, они нам всю схему поломают. Сделай так, чтобы у полиции не было вопросов.

— Все будет сделано в лучшем виде, Дмитрий Викторович, — мягко, почти ласково ответил Коновалов. — Завтра утром я подготовлю предварительное экспертное заключение. Напишем, что его уроки — это протокол скрытого психологического кодирования для вербовки в деструктивные структуры. Подтянем его религиозную идентичность — благо, имя у него подходящее. Радченко уже получила материалы для статьи, она ждет только моей отмашки. Следователь Широков тоже в курсе, он подготовит постановление на обыск, как только выйдет публикация. Парня закроют быстро и надежно.

— Отлично. Деньги за экспертизу, как обычно, переведем на счет вашего фонда через «Баренц Трейд». Работай.

Раздались короткие гудки.

В полуподвале воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Было слышно только, как тяжелые капли дождя бьются о железный отлив окна на уровне тротуара.

Саид медленно закрыл глаза. Вот она — анатомия его гражданской казни, зафиксированная в цифровом формате. Безжалостная, деловая, лишенная даже намек на человеческие эмоции. Его жизнь, его карьера, его честное имя были оценены в несколько строчек экспертного заключения и транш на счет подставной компании. «Ахмедов слишком много думает». Это и был его настоящий приговор. В мире, который строили Ковалев и Коновалов, мыслящий человек был системной ошибкой, вирусом, подлежащим немедленному удалению.

— Они спланировали все до мелочей, — тихо произнес Макс, не поднимая глаз от экрана. — Обыск, статья, экспертиза... Все было расписано как по нотам.

— Это не просто местный сговор, — Елена поднялась со стула и начала мерить шагами тесную комнату. Ее лицо было бледным, но в глазах горел холодный, аналитический ум опытного юриста. — Посмотрите на структуру их взаимодействия. Коновалов действует не один. Его организация, связанная с РАЦИРС, встроена в более широкую антикультовую сеть. Макс, открой папку «Переписка».

Студент послушно кликнул по иконке. На экране появился длинный список электронных писем, многие из которых были на английском и французском языках.

— Вот, посмотрите, — Елена указала пальцем на заголовки писем с пометкой FECRIS. — Европейская федерация центров изучения религий и сект. Коновалов годами переписывался с людьми из этой среды. Они обменивались методиками, шаблонами экспертных заключений и обсуждали организационную и информационную поддержку. Это транснациональная сеть, которая под видом борьбы с «культами» может использоваться для давления на религиозные меньшинства и неудобные общественные инициативы.

Она достала из папки распечатку одного из писем, датированного мартом прошлого года, и начала читать вслух, переводя с листа:

«...крайне важно синхронизировать нашу риторику в отношении независимых образовательных и духовных инициатив. Любая группа, которая учит граждан критическому анализу информации или предлагает альтернативные пути развития, должна быть превентивно маркирована как деструктивная секта или экстремистская ячейка. Это позволяет использовать государственные ресурсы для их нейтрализации без необходимости доказывать реальный ущерб».

— Они используют терминологию как оружие, — Саид поднял голову. — Они берут слова, лишают их первоначального смысла и превращают в ярлыки, которые невозможно смыть. «Сектант», «экстремист», «деструктор»... Стоит наклеить этот ярлык на человека — и общество само отворачивается от него, одобряя любые беззакония со стороны государства.

— Именно так, — кивнула Елена. — И это происходит не только у нас. Это глобальный тренд. Но у нас этот механизм доведен до особенно жесткой административной формы. Посмотрите, как в материалах этой среды описывает подобные группы Александр Дворкин.

Она открыла один из текстовых файлов, найденных на флешке, содержащий выдержки из публикаций и методических подборок антикультовой среды:

«По существу, мы имеем дело со структурами, которые описываются как жестко организованные, дисциплинированные и подчиненные руководству».

— Какая потрясающая психологическая проекция, — горько усмехнулся Саид. — Они приписывают другим то, что сами делают языком экспертиз и кампаний: превращают людей в объект подозрения, лишают их доверия и создают условия, при которых любое давление кажется допустимым. А когда кто-то пытается вывести эту систему на чистую воду, он становится следующим объектом атаки. Как Лариса Петровна. Как Виктор Рыбаков.

Елена подошла к столу и положила перед Саидом еще один документ — распечатку письма, найденного в архиве Коновалова, с фрагментом, приписанным одному из публицистов антикультовой среды.

— А вот их реальное кредо, Саид. Прочитай это. Это то, чем они руководствуются каждый день.

Саид вчитался в строчки:

«На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать».

— «Или же его придумать», — повторил Саид. — Вот и вся их «научная» деятельность. Обычное производство компромата по заказу.

В этот момент тишину подвала разорвал резкий, пронзительный звук. Это был сигнал старого телевизора, который Елена оставила включенным на минимальной громкости в углу комнаты. На экране, сменяя привычную сетку вещания, появилась заставка экстренного выпуска новостей телеканала «ТВ-Регион».

Макс быстро схватил пульт и прибавил звук.

На экране появилось лицо Кристины Радченко. Она стояла на фоне здания областного управления внутренних дел, ее лицо выражало крайнюю степень тревоги и гражданской ответственности.

— ...мы продолжаем следить за развитием ситуации вокруг скандального дела так называемого «учителя-вербовщика» Саида Ахмедова, — быстро и эмоционально говорила журналистка. — Сегодня правоохранные органы региона распространили ориентировку на Ахмедова и начали розыскные мероприятия. По информации из наших источников в Следственном комитете, в ходе обыска в квартире подозреваемого были обнаружены предметы, которые следствие считает доказательствами его связи с международными радикальными группировками, включая запрещенную литературу и инструкции по ведению подрывной деятельности.

На экране появилось изображение Саида. Это была его старая фотография из личного дела, но обработанная таким образом, что его черты лица казались неестественно темными и угрожающими. Под фотографией крупными красными буквами было написано: «ВНИМАНИЕ! ОПАСНЫЙ БЕГЛЫЙ РАДИКАЛ».

— Ахмедов сумел скрыться от следствия, совершив дерзкий побег прямо во время проведения следственных действий, — продолжала Радченко. — По мнению экспертов, он может быть вооружен и крайне опасен. Представители администрации и связанные с ними предприниматели объявили вознаграждение в размере пятисот тысяч рублей за любую информацию, которая поможет установить местонахождение беглеца. Мы призываем всех жителей города проявлять максимальную бдительность. Если вы увидите этого человека, не пытайтесь задержать его самостоятельно — немедленно звоните в полицию.

Экран мигнул, возвращаясь к трансляции очередного развлекательного шоу.

Пятьсот тысяч рублей. Для небольшого Зареченска, где средняя зарплата едва превышала тридцать тысяч, это были огромные, фантастические деньги. Теперь каждый прохожий, каждый таксист, каждый сосед по дому превращался в потенциального охотника. Измененная внешность Саида — сбритая борода, короткая стрижка, рабочая куртка и хромота — все еще давали ему некоторый шанс, но этот шанс стремительно таял с каждой минутой.

— Они заблокировали все выходы, — тихо произнес Макс, закрывая ноутбук. — Саид... Вы не сможете выйти на улицу. Вас сдадут в первом же магазине.

— И мы не можем пойти в прокуратуру, — Елена бессильно опустила руки. — Теперь я вижу это совершенно четко. Если мы просто принесем эту флешку любому следователю или прокурору, нас могут задержать прямо в приемной. Ковалев имеет слишком много связей в местных силовых ведомствах. Флешка исчезнет в тот же день, а Саид... Саид может не дожить до суда или оказаться в ситуации, которую потом оформят как несчастный случай, попытку побега или самоубийство. Стандартные правовые каналы заблокированы на местном уровне. Система выстроила глухую стену, сквозь которую невозможно пробиться обычным путем.

Саид молча смотрел на свои руки. Он чувствовал себя человеком, которого заживо замуровали в склепе. Правда была у них в руках — вот она, на маленькой серебристой флешке, записанная голосами их палачей. Но в этом городе и в этой

системе связей не было ни одного официального института, который согласился бы эту правду выслушать и принять меры. Закон, который Саид годами преподавал своим ученикам, оказался фикцией, красивой декорацией, за которой скрывался безжалостный механизм коммерческого насилия и подавления.

Вдруг сверху, со стороны улицы, послышался медленный, тяжелый шорох шин по мокрому гравию. Машина остановилась прямо напротив их подвального окна.

Макс мгновенно потянулся к выключателю и погасил настольную лампу. Комната погрузилась в глубокую темноту, нарушаемую лишь тусклым светом уличного фонаря, пробивающимся сквозь грязное стекло подвального окна.

Все трое замерли, боясь сделать даже вдох.

Через стекло было видно, как у обочины остановился белый полицейский УАЗ. Двигатель машины работал на холостых оборотах, выбрасывая в холодный воздух клубы сизого пара. Дверь открылась, и на мокрый асфальт ступили тяжелые берцы полицейского.

Саид почувствовал, как сердце бьется в груди как сумасшедшее, отдаваясь глухими ударами в ушах. Он прижал здоровую ногу к полу, стараясь не шевелиться. Лодыжка отозвалась резкой вспышкой боли, но он даже не поморщился.

Луч мощного ручного фонаря скользнул по стеклу их окна, ворвался в комнату и начал медленно водить по стенам, выхватывая из темноты стопки старых папок, край кушетки и испуганное лицо Макса, который успел пригнуться под стол.

Полицейский постоял у окна около минуты. Было слышно, как на его плече шипит и потрескивает рация, передавая неразборчивые команды дежурного. Затем луч фонаря погас, послышался тяжелый стук закрывающейся двери, и машина, взревев мотором, медленно поехала дальше по Красноармейской улице.

Макс медленно выбрался из-под стола и включил лампу. Его лоб был покрыт каплями пота.

— Они ищут, — прошептал он. — Они прочесывают каждый подвал, каждый заброшенный дом. Нам нужно уходить отсюда, Елена Дмитриевна. Это место больше не безопасно.

— Куда, Макс? — Елена посмотрела на него с горькой усталостью. — Куда мы пойдем? У нас нет другого убежища. И у Саида нет документов. Любая попытка покинуть город сейчас — это верная смерть.

Саид медленно поднялся с кушетки, опираясь на деревянную трость, которую Елена нашла для него в кладовке. Боль в ноге стала ровной, привычной. В его душе больше не было паники. Страх уступил место холодной, кристально чистой решимости человека, которому больше нечего терять. Его прежняя жизнь была уничтожена, его имя смешано с грязью, его свобода и жизнь висели на волоске. Но у него было то, чего не было у его преследователей, — абсолютная, задокументированная правда.

— Елена Дмитриевна права, — спокойно произнес Саид. — Бежать бесполезно. И прятаться вечно мы не сможем. Если система заблокировала все законные каналы, значит, мы должны использовать их собственные методы против них. Они хотят шоу? Они хотят публичной казни «экстремиста»?

Он посмотрел на экран ноутбука, где все еще светился список файлов с флешки Ларисы Петровны.

— Мы устроим им это шоу. Но играть в нем они будут по нашим правилам.

Глава 10. План «Инъекция правды»

В полуподвальном помещении юридической консультации Елены Власовой было холодно; старый электрический обогреватель, стоявший в углу, лишь слабо гудел, не справляясь с ноябрьской сыростью. На столе, среди разложенных бумаг и распечаток, тускло светился экран ноутбука Макса.

Елена вошла в комнату, тяжело дыша и стряхивая капли дождя с капюшона куртки. Ее лицо было бледным, а губы сжаты в тонкую линию. Она заперла дверь на тяжелый засов и только после этого повернулась к Саиду.

— Кольцо сжимается, — тихо произнесла она, снимая мокрые перчатки. — Сегодня утром оперативники Широкова приходили к твоему бывшему коллеге по университету, Павлу Воронову. Расспрашивали, когда он видел тебя в последний раз, проверяли его телефонные контакты. Твою бывшую квартирную хозяйку, Марию Ивановну, допрашивали три часа. Они ищут везде, Саид. Проверяют каждого, с кем ты общался за последние пять лет. В городе объявлен неофициальный режим усиленного розыска, на выездах дежурят усиленные патрули. Нам нельзя делать ни одного ложного шага.

Саид молча кивнул. Он сидел на кушетке, аккуратно растирая распухшую лодыжку. Боль после прыжка из окна загородного дома Коновалова стала тупой и привычной, но передвигаться без трости он по-прежнему не мог. Измененная внешность — короткий ежик волос вместо привычной прически и жесткая щетина — делала его неузнаваемым для случайных прохожих, но профессиональный взгляд оперативника на улице сразу вычленил бы его из толпы.

— Прятаться здесь дальше — значит просто ждать, пока они случайно наткнутся на этот подвал, — подал голос Макс, не отрывая взгляда от монитора. — Но у меня есть новости. И это наш единственный шанс.

Он развернул ноутбук так, чтобы Саид и Елена могли видеть экран. На нем была открыта копия производственного расписания телеканала «ТВ-Регион» на ближайший четверг.

— Через три дня, в четверг, в девятнадцать часов, они планируют грандиозное ток-шоу, — Макс указал пальцем на выделенную красным строку. — Название программы — «Заговор у доски: как уберечь наших детей». Это будет бенефис Коновалова. Они собираются в прямом эфире праздновать свою «победу над экстремистом Ахмедовым». Коновалов притащит туда твои рабочие тетради, Радченко покажет свои «расследования», а в студию пригласят специально подготовленных «возмущенных родителей» и чиновников из департамента образования. Они хотят устроить публичную порку в прямом

эфире, чтобы окончательно закрыть тему и отвлечь внимание от проверок по строительным подрядам Ковалева-старшего.

Елена медленно подошла к столу, вглядываясь в расписание.

— Прямой эфир... — задумчиво протянула она. — Это значит, что трансляция идет с небольшой технической задержкой, но без возможности полностью переписать происходящее в студии.

— Именно, — подтвердил Макс. — И если мы попытаемся просто выложить наши файлы в интернет или отправить их в федеральные СМИ, их заблокируют быстрее, чем кто-то успеет их прочитать. Местные сайты и каналы, связанные с администрацией, сразу объявят это фальшивкой, а публикации утонут в опровержениях и встречных обвинениях. Но если мы покажем их прямо во время их собственного триумфа, на их собственной площадке...

— Это безумие, — тихо сказал Саид. — Телецентр — это охраняемый объект. Там охрана, пропускной режим, камеры на каждом шагу. Как ты себе это представляешь?

— Мы не будем прорываться туда с боем, — Макс улыбнулся, и в его глазах впервые за последние дни появился азарт. — Мы используем их собственную самоуверенность и суету перед эфиром.

Прежде чем приступить к детальному планированию, Елена настояла на том, чтобы объяснить Саиду, почему стандартный путь обращения в правоохранительные органы для них закрыт навсегда. Она достала из сейфа тонкую синюю папку и положила ее на стол.

— Чтобы ты понимал, с кем мы боремся, Саид, — тихо заговорила она. — Вот тебе реальный случай. Март 2022 года. Григорий Решетников, старший аудитор регионального управления казначейства. Человек абсолютно системный, честный до глупости. Он проводил плановую проверку целевого использования средств, выделенных на строительство нового городского спортивного комплекса. Подрядчиком выступала одна из дочерних фирм Дмитрия Ковалева. Решетников обнаружил финансовую дыру в сорок два миллиона рублей. Деньги были списаны на несуществующие отделочные материалы и завышенные объемы работ.

Елена перелистнула страницу, показывая копию заявления.

— Григорий не стал поднимать шум на месте. Он собрал все первичные документы, акты приема, выписки со счетов и лично отвез их в областную прокуратуру. Он думал, что закон защитит его. Он даже не успел выйти из здания прокуратуры на улицу. В вестибюле его задержали сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями. В его портфеле, прямо поверх аудиторских отчетов, «обнаружили» пакет с мечеными купюрами — якобы он только что вымогал взятку у представителя субподрядчика за сокрытие нарушений.

— И что с ним сейчас? — спросил Саид.

— Семь лет колонии, — сухо ответила Елена. — Все его документы исчезли из дела в тот же день. Официально было заявлено, что аудит не выявил никаких нарушений, а сам Решетников просто пытался нажиться на честных строителях. Его жена пыталась писать жалобы в Москву, но все они спускались обратно на местный уровень, тому самому прокурору, который подписывал материалы по его задержанию. Вот что происходит с теми, кто пытается играть по правилам системы, когда сама система полностью коррумпирована. Если мы пойдем к прокурору с флешкой Ларисы Петровны, мы просто повторим путь Решетникова. Нас арестуют на пороге, а доказательства будут уничтожены. Нам нужен абсолютный, мгновенный резонанс, который невозможно будет скрыть или объявить «технической ошибкой».

Саид смотрел на пожелтевшую копию приговора Решетникова. Это было окончательное подтверждение: их план — не просто отчаянный шаг, это единственный способ выжить.

Следующие два дня прошли в режиме непрерывной, изнурительной подготовки. Саид понимал, что технический план Макса не сработает, если они не будут знать физическую планировку телецентра и график работы людей, которые будут находиться внутри.

Несмотря на риск и боль в ноге, Саид лично отправился на разведку. В своей синей куртке дорожного рабочего, с низко надвинутым козырьком бейсболки и деревянной тростью, он казался обычным хромым рабочим,

медленно бредущим вдоль серого бетонного забора телецентра на улице Академика Королева.

Здание телецентра представляло собой типичный советский комплекс постройки конца семидесятых годов: массивный четырехэтажный корпус из серого бетона с узкими окнами и высокой радиомачтой во дворе. Территория была обнесена металлическим забором. На главном входе стоял пост охраны с вертушкой и системой электронных пропусков.

Однако Саид обратил внимание на хозяйственный двор с тыльной стороны здания. Туда регулярно подъезжали машины технических служб, фургоны с оборудованием и кейтеринг.

Саид устроился на автобусной остановке, расположенной наискосок от хозяйственных ворот. В течение пяти часов он фиксировал в маленьком блокноте каждое перемещение сотрудников и транспорта.

— Смена технического персонала происходит ровно в восемнадцать ноль-ноль, — рассказывал Саид вечером, когда они снова собрались в подвале Елены. Он набросал на листе бумаги схему хозяйственного двора. — За час до начала эфира. В это время у ворот всегда суeta. Приезжают дежурные инженеры, операторы, осветители. Охранник на задних воротах — пожилой мужчина, он не всматривается в лица тех, кто проходит по групповым пропускам технических служб. Они просто прикладывают карты к терминалу. Если у нас будет убедительно оформленный временный пропуск на технические работы, пройти внутрь может получиться.

— Пропуск я сделаю, — Макс поднял руку. — Точнее, у нас есть копия заявки на внеплановый ремонт линии связи и данные подрядной организации, которая уже работала с телецентром. Я сделаю временный бейдж под техника связи. Но это сработает только из-за суety перед эфиром. Если охранник начнет звонить начальнику смены, все закончится там же, у ворот.

Саид внимательно изучил набросанную схему коридоров первого этажа, которую Елена смогла раздобыть через свои старые связи среди бывших сотрудников телеканала.

— Главная аппаратная находится на втором этаже, прямо над студией «А», где будет проходить прямой эфир, — Саид указал карандашом на квадрат в

центре схемы. — Из аппаратной идет управление видеомикшером и выдача сигнала в эфир. Моя задача — проникнуть в студию незадолго до начала эфира и занять позицию в технической зоне, за декорациями. Я должен выйти в кадр в тот момент, когда Макс даст в эфир подготовленный пакет доказательств через их же технический вход.

Пока Саид изучал планировку здания, Макс практически не отходил от компьютера, работая над технической частью плана. Его задача была невероятно сложной: нужно было подготовить такой пакет видео, аудио и документов, который можно будет быстро вывести на экран студии и продублировать в несколько внешних каналов, прежде чем режиссерская успеет понять, что происходит.

— Наш главный союзник — это их собственная лень и нежелание обновлять софт, — объяснял Макс, выводя на экран схему сетевых подключений телецентра. — Вещание «ТВ-Регион» идет через цифровой видеомикшер класса TriCaster. Это мощный программно-аппаратный комплекс, который управляет камерами, титрами, видеосюжетами и выдает готовый сигнал на передатчик.

Макс сделал глоток остывшего чая и продолжил:

— У нас есть не взлом, а окно. Один человек из технической службы, который уже давно хотел уйти и боялся говорить открыто, передал мне схему подключения и временные учетные данные для гостевого медиасервера. Через него обычно принимают рекламные ролики и срочные сюжеты от внешних корреспондентов. Формально это внутренний канал, но в день прямого эфира туда никто не смотрит внимательно: все заняты студией, гостями и режиссерской.

Студент открыл окно терминала, где быстро бежали строки кода.

— Я подготовил автоматическую сборку эфира: аудио, расшифровки, сканы платежей, таймкоды, титры и резервные копии. Если Саид выйдет в кадр, мне нужно будет только отправить пакет на гостевой сервер и параллельно разослать его журналистам, правозащитникам и федеральным редакциям. Даже если телеканал через минуту оборвет эфир, след уже останется.

— Что именно сделает твой пакет? — спросила Елена, внимательно вслушиваясь в технические термины.

— Он сделает три вещи, — Макс загнул пальцы. — Во-первых, он даст в студию готовую видеовставку с записями разговора Ковалева и Коновалова. Во-вторых, одновременно отправит архив с контрольными суммами нескольким внешним адресатам. И в-третьих, он сохранит полные копии на нескольких независимых площадках, чтобы потом никто не смог сказать, что Саид просто ворвался в студию с голословными обвинениями.

Саид смотрел на бегущие по экрану зеленые строчки кода. В этих символах была его единственная надежда на спасение. Маленькая связка файлов и адресов, способная пробить первую трещину в стене лжи, которую выстроила вокруг него система.

В среду вечером подготовка была практически завершена. На столе лежал готовый комплект одежды для Саида: темно-синий комбинезон сотрудника технической службы телеканала с логотипом «ТВ-Регион» на спине — Елена купила его в магазине спецодежды, и сама нанесла логотип через трафарет, — временный бейдж техника подрядной службы и небольшая гарнитура скрытого ношения для связи с Максом.

Саид сидел у окна, глядя на темную улицу. Дождь наконец прекратился, уступив место первому легкому морозу. Лужи на асфальте подернулись тонкой коркой льда, отражающей холодный свет фонарей.

Он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Это был текст его выступления. Он писал его всю прошлую ночь, тщательно подбирая каждое слово. Он не хотел говорить как жертва, не хотел оправдываться или просить о пощаде. Он готовил свой последний, самый важный урок. Урок критического мышления для зрителей, которые будут сидеть у экранов своих телевизоров.

— Ты готов, Саид? — тихо спросила Елена, подходя к нему и кладя руку на его плечо.

Саид повернулся к ней. В его глазах, несмотря на усталость и темные круги под глазами, не было страха. Была только ровная, ледяная решимость человека, который принял свою судьбу и готов идти до конца.

— Я готов, Елена Дмитриевна, — спокойно ответил он. — Мы сделали все, что могли. Теперь все зависит от того, насколько точно мы сработаем в эти несколько минут.

— Полиция сегодня дежурила у твоего дома весь день, — добавил Макс, закрывая ноутбук и убирая его в рюкзак. — Они уверены, что ты попытаешься вернуться за вещами или документами. Они не ждут тебя в телецентре. Они думают, что ты загнан в угол и думаешь только о том, как сбежать из города.

— Пусть думают, — Саид взял со стола пластиковый бейдж и внимательно посмотрел на свое изображение. Измененное лицо, жесткий взгляд, короткая стрижка. Саид Ахмедов, тихий учитель обществознания, окончательно остался в прошлом.

В полуподвальной комнате воцарилась тишина. Слышно было только мерное, тихое тиканье старых настенных часов. Время подготовки истекло. Впереди был четверг — день, который должен был либо вернуть ему его честное имя и разрушить тщательно подготовленный спектакль Коновалова, либо окончательно стереть его из жизни.

Саид подошел к вешалке, снял свою синюю рабочую куртку и аккуратно сложил ее. Завтра ему предстояло надеть другую форму. Форму человека, который выйдет на сцену, чтобы сорвать маски с тех, кто привык вершить чужие судьбы из темноты своих кабинетов.

Глава 11. Прямой эфир

Холодный ноябрьский ветер гнал по асфальту колючую ледяную крупу, когда Саид подошел к серому бетонному монолиту областного телецентра на улице Академика Королева. Здание, построенное в конце семидесятых годов, напоминало неприступную крепость: узкие окна-бойницы и высокая радиомачта, уходящая в темное, низкое небо. Вдоль фасада тянулись ряды тусклых натриевых фонарей, заливавших парковку грязным желтым светом.

Саид остановился в тени раскидистого тополя у края тротуара, переводя дыхание. Правая лодыжка, туго перебинтованная эластичным бинтом, отозвалась острой, пульсирующей болью. Камушек, который он снова вложил в

левый ботинок, заставлял его неестественно сутулиться и заваливаться при ходьбе набок. Это было мучительно, но необходимо. На нем был темно-синий рабочий комбинезон с логотипом «ТВ-Регион» на левом рукаве, из-под козырька серой бейсболки виднелись лишь жесткая трехдневная щетина и напряженная линия губ. В руках он держал тяжелый пластиковый кейс с инструментами — стандартный атрибут любого дежурного инженера.

В кармане комбинезона лежал плоский пластиковый прямоугольник — временный бейдж техника подрядной службы. Но оставался главный вопрос: сработает ли легенда на проходной?

Саид сделал глубокий вдох, умиряя бешено колотящееся сердце, и направился к тыловым воротам хозяйственного двора. Именно здесь, согласно его наблюдениям, в восемнадцать часов происходила пересменка технического персонала.

У ворот царил привычная суeta. Несколько монтажников в таких же синих комбинезонах разгружали из кузова фургона тяжелые катушки с коаксиальным кабелем. Пожилой охранник в серой форме с шевроном частного охранного предприятия стоял у будки, лениво наблюдая за процессом и грея руки о пластиковый стакан с чаем.

Саид подошел к вертушке проходной. Его пальцы скользнули в карман и извлекли пластиковую карту. Он приложил ее к матовому стеклу считывателя.

Секунда ожидания показалась вечностью. Считыватель коротко пискнул, но на панели вспыхнул не зеленый, а желтый индикатор временного допуска. На небольшом мониторе внутри будки охраны появилась строка: «Подрядчик. Технические работы. Допуск через дежурного».

Охранник скользнул глазами по бейджу и заявке, которую Саид протянул вместе с картой, но в этот момент водитель фургона начал ругаться из-за застрявшей катушки кабеля, и охранник раздраженно махнул рукой. Саид толкнул тяжелую металлическую дугу вертушки и шагнул на территорию телецентра.

Внутри здание встретило его лабиринтом бесконечных коридоров, облицованных дешевым серым пластиком. Повсюду сновали люди с рациями, гримеры с чемоданчиками, редакторы с папками документов. Саид шел

медленно, стараясь держать голову опущенной и не привлекать внимания. Его хромота здесь, среди уставших после долгого рабочего дня техников, выглядела вполне естественно.

Проходя мимо застекленной серверной на первом этаже, Саид бросил быстрый взгляд на ряды мигающих синими и зелеными огнями стоек. Он вспомнил документ, который Макс поднял в открытых данных о закупках всего два дня назад. Это был контракт на модернизацию вещательного комплекса АО «ТВ-Регион» на сумму 18,4 миллиона рублей. Контракт был подписан руководителем департамента имущественных отношений — родным братом Дмитрия Ковалева. Подрядчиком выступало ООО «Связь-Монтаж», зарегистрированное на племянника чиновника.

Вместо установки полноценного комплекта оборудования и сервисного сопровождения подрядчик установил минимальную конфигурацию и оставил часть рабочих процессов на старых серверах, а разницу в стоимости мог вывести через подставные фирмы. Эта банальная провинциальная коррупция, из-за которой система безопасности телецентра осталась без критических обновлений, теперь давала Саиду и Максу их единственный, призрачный шанс.

Саид поднялся по пожарной лестнице на второй этаж и подошел к тяжелым звукоизолирующим дверям студии «А». Над входом тускло светило белое табло: «ТИШИНА».

Он аккуратно приоткрыл дверь и скользнул внутрь, мгновенно растворившись в густой тени за массивными декорациями из неокрашенной фанеры и пластика.

Студия была огромной. Под высоким потолком, на сложной системе металлических ферм, висели сотни прожекторов и софитов, заливавших центральную часть площадки ярким светом. В центре стоял полукруглый стол из лакированного ДСП, за которым должны были сидеть ведущий и гости. На заднем плане высился огромный светодиодный экран, на котором сейчас горела статичная заставка программы: «Заговор у доски: как уберечь наших детей».

В технической зоне, у левой стены студии, стояли три тяжелые телекамеры на гидравлических пьедесталах. Операторы — мужчины в наушниках и

свободной одежде — лениво переговаривались, настраивая фокус и проверяя баланс белого.

На трибунах для зрителей уже рассаживались люди. Это были в основном пожилые женщины и студенты местного колледжа, привлеченные пропуском занятий за участие в массовке. Молодой парень-координатор с мегафоном в руке бегал между рядами, объясняя правила поведения:

— Товарищи, по моей команде хлопаем дружно! Когда профессор начнет говорить о духовных угрозах — лица делаем серьезные, сопереживающие. Никаких телефонов в руках! Все звуки отключить!

Саид забился в узкий проход между задней стеной студии и массивным металлическим каркасом светодиодного экрана. Здесь, среди связок силовых кабелей и запасных осветительных приборов, его никто не мог увидеть.

Он достал из кармана маленькую беспроводную гарнитуру, вставил ее в левое ухо и слегка коснулся сенсорной панели на воротнике комбинезона, активируя микрофон скрытого ношения.

— Макс, я на месте, — едва слышно прошептал он. — Студия «А». Занял позицию за центральным экраном. Как связь?

В наушнике раздался легкий шорох, сменившийся тихим, сосредоточенным голосом студента. Макс находился в старой «Ладе», припаркованной на соседней улице, за пределами зоны видимости камер телецентра.

— Слышу вас отлично, Сергей Дмитриевич... то есть Саид, — поправился Макс. — Сигнал стабильный. Гостевой медиасервер доступен. Пакет доказательств загружен в очередь как срочная видеовставка. Рассылка журналистам и правозащитникам тоже готова. Жду вашей команды.

— Понял тебя. Ждем начала, — ответил Саид.

В девятнадцать часов ноль-ноль минут над дверью студии вспыхнуло ярко-красное табло: «ЭФИР».

В студии мгновенно воцарилась тишина. Координатор массовки взмахнул руками, и зрители на трибунах разразились дружными, отрепетированными аплодисментами.

В центр площадки, под прицел объективов трех камер, вышел ведущий — Вячеслав Морозов, местная телезвезда с фальшивой, натянутой улыбкой и хорошо поставленным, драматическим голосом.

— Добрый вечер, дорогие телезрители! В эфире программа «Час пик», и сегодня мы поговорим о теме, которая не может оставить равнодушным ни одного родителя в нашем городе. Мы поговорим о безопасности наших детей. О той невидимой, но смертельной угрозе, которая может подстергать их прямо в школьных классах, у школьной доски.

Морозов сделал паузу, его лицо приняло выражение глубокой скорби.

— Еще неделю назад мы думали, что наши школы — это территория безопасности. Но расследование нашей коллеги Кристины Радченко сорвало покровы с ужасающей реальности. В обычной школе №4 под видом уроков обществознания велась планомерная, жестокая обработка детской психики. И сегодня у нас в студии человек, который первым забил тревогу. Встречайте — доктор философских наук, руководитель регионального отделения РАЦИРС, профессор Евгений Николаевич Коновалов!

Аплодисменты повторились. Из боковой двери вышел Коновалов. Он выглядел безупречно: серый твидовый пиджак, аккуратная укладка, на лице — выражение академического достоинства и глубокой гражданской ответственности. Он снисходительно кивнул зрителям и сел в мягкое кожаное кресло напротив ведущего.

— Евгений Николаевич, — обратился к нему Морозов. — То, что вы обнаружили в рабочих тетрадях учеников этой школы, повергло в шок многих специалистов. Расскажите, с чем именно мы столкнулись?

Коновалов поправил очки и облокотился на стол, приняв позу умудренного опытом лектора.

— Понимаете, Вячеслав, — заговорил он своим глубоким, гипнотическим баритоном. — Мы столкнулись с классическим примером того, что в нашей науке называется протоколом скрытого психологического кодирования. Гражданин Ахмедов, используя свое положение учителя и доверие несовершеннолетних, внедрял в их сознание деструктивные ментальные вирусы. Под видом обучения критическому анализу информации он разрушал

традиционные ценностные ориентиры детей, подготавливая их к восприятию радикальных идей. Это латентная фаза вербовки, направленная на создание управляемой массы, готовой к дестабилизации общества по первому сигналу из-за рубежа.

Саид слушал эти слова, и внутри него поднималась холодная, чистая ярость. Этот человек с академическими регалиями, получающий миллионы рублей на свои счета от коррумпированных чиновников за уничтожение человеческих судеб, сейчас вещал на всю область, превращая его имя в синоним абсолютного зла.

— Макс, — тихо произнес Саид в микрофон. — Пора. Запускай.

— Понял, — отозвался Макс. — Отправляю пакет. Три... два... один... Пошло.

В этот же момент на втором этаже телецентра, в полумраке режиссерской аппаратной, произошло то, чего никто не мог ожидать. Режиссер эфира Ирина, женщина с многолетним опытом работы на телевидении, сидела перед огромной стеной мониторов, на которых отображались сигналы со всех камер студии. Ее пальцы привычно лежали на кнопках массивной панели управления видеомикшером класса TriCaster.

— Камера два, крупный план Коновалова, — скомандовала она в микрофон гарнитуры. — Камера три, приготовься дать реакцию зрителей.

Вдруг на одном из служебных мониторов появилась новая строка в очереди срочных материалов: «Видеовставка. Экстренно. К эфиру». Почти одновременно на предпросмотре вспыхнул первый кадр — стоп-кадр аудиограммы с подписью «Разговор Ковалева и Коновалова. 8 ноября».

— Что за черт? — Ирина резко нажала кнопку переключения камер. — Леша, откуда это в очереди? Кто загрузил материал?

Дежурный инженер Алексей, сидевший за соседним столом, лихорадочно застучал по клавишам своего компьютера.

— Ира, он пришел через гостевой медиасервер. Стоит как срочная вставка от внешнего корреспондента. Я не понимаю, кто подтвердил прием.

— Снимай с очереди! Быстро! — крикнула Ирина, чувствуя, как по спине пробежал холодный пот.

— Сейчас сниму, — крикнул инженер, но в этот момент в студии началось движение, и внимание всей режиссерской сорвалось с экрана предпросмотра на центральный монитор. — Ира, у нас кто-то вышел в кадр. Это он. Это Ахмедов.

В студии «А» ведущий Морозов продолжал задавать вопросы, не подозревая о катастрофе в аппаратной.

— Евгений Николаевич, но ведь Ахмедов сейчас находится в бегах. Как вы считаете, представляет ли он реальную опасность для жителей города?

— Безусловно, — Коновалов скорбно покачал головой. — Человек, прошедший такую подготовку и осознающий, что его разоблачили, способен на самые крайние меры. Его побег от следствия — это прямое подтверждение его вины и готовности идти до конца...

В этот момент Саид Ахмедов вышел из тени декораций. Он шел медленно, опираясь на деревянную трость. Стук его шагов по деревянному настилу студии прозвучал в наступившей тишине удивительно отчетливо.

Первым его заметил координатор массовки. Его рот медленно открылся, но он не смог произнести ни звука. Затем замолчал ведущий Морозов. Его взгляд застыл на фигуре в синем комбинезоне, которая уверенно приближалась к центру площадки.

Коновалов, заметив изменение в поведении ведущего, повернул голову.

Когда его глаза встретились со взглядом Саида, профессор застыл. Его холеное, уверенное лицо мгновенно потеряло весь свой академический лоск. Кожа приобрела землисто-серый оттенок, а губы начали мелко дрожать. Он вжался в спинку кожаного кресла, словно надеясь, что оно поглотит его. Это был абсолютный, парализующий ступор человека, который внезапно увидел перед собой призрак им же уничтоженной жертвы.

— Добрый вечер, Евгений Николаевич, — спокойно произнес Саид, останавливаясь в двух метрах от стола. Его голос, усиленный петличным микрофоном ведущего, который уловил звук, прозвучал в динамиках студии ровно и чисто.

В наушниках операторов раздался яростный, срывающийся на визг голос режиссера Ирины из аппаратной:

— Выключите камеры! Уберите его из кадра! Перекройте звук! Кто-нибудь, вызовите охрану в студию!

Но операторы на несколько секунд растерялись. Илья, ветеран телеканала, стоявший за Камерой 2, видел, что красная лампочка Tally на его камере продолжала гореть, сигнализируя о том, что они находятся в эфире. Профессиональный инстинкт, вырабатываемый десятилетиями работы, оказался сильнее панических криков в наушнике. Вместо того чтобы выключить камеру, Илья плавно повернул объектив, беря в идеальный, четкий фокус лицо Саида Ахмедова.

Остальные операторы последовали его примеру. Они продолжали съемку, замороженные разворачивающейся на их глазах драмой, понимая, что сейчас происходит то, чего местное телевидение не видело за всю свою историю.

Координатор массовки наконец пришел в себя и начал отчаянно махать руками, показывая зрителям на трибунах, чтобы они уходили. Но люди не двигались. Они сидели, подавшись вперед, ловя каждое слово и каждое движение.

Саид подошел к пустому креслу, предназначенному для второго гостя программы, и спокойно сел в него. Он положил свою деревянную трость на колени и посмотрел прямо в объектив Камеры 2, на которой горел маленький, но такой важный красный огонек прямого эфира.

— Уважаемые зрители, — заговорил Саид, и его голос звучал удивительно спокойно, без тени страха или волнения. — Меня зовут Саид Ахмедов. Последние несколько дней вы видели мое лицо на экранах своих телевизоров и на страницах газет. Вас учили бояться меня. Вас учили ненавидеть меня. Но сегодня я пришел сюда не для того, чтобы оправдываться. Я пришел для того, чтобы провести наш самый важный урок. Урок того, как именно работает система, которая прямо сейчас уничтожает ваши жизни за ваши же деньги.

Он повернул голову к Коновалову, который продолжал сидеть в состоянии полного оцепенения, не в силах произнести ни слова.

— Профессор Коновалов только что рассказывал вам о «скрытом кодировании», — Саид горько улыбнулся. — Но он забыл рассказать вам о другом протоколе. О протоколе, по которому его организация, связанная с

РАЦИРС, за определенную плату составляет экспертные заключения для судов и чиновников, чтобы ломать репутации, разрушать семьи, банкротить неудобных людей и отправлять под следствие тех, кто задает правильные вопросы. И сегодня мы разберем этот механизм подробно. Каждую строчку. Каждую сумму.

В этот момент огромный светодиодный экран за спиной Саида, на котором только что горела заставка ток-шоу, внезапно мигнул и погас. Через секунду на нем начали появляться первые документы из архива Ларисы Петровны Семеновой.

Красный огонек на Камере 2 продолжал гореть, транслируя происходящее на экраны зрителей по всей области. Время лжи подошло к концу. Начинался прямой эфир правды.

Глава 12. Срыв масок

Яркий, почти ослепляющий свет студийных софитов резал глаза, но Саид Ахмедов не зажмурился. Он сидел в глубоком кожаном кресле, положив на колени простую деревянную трость. Напротив него, в таком же кресле, застыл профессор Евгений Коновалов. Лицо известного сектоведа, еще минуту назад излучавшее сытую уверенность и академическое превосходство, теперь напоминало серую гипсовую маску. Его пальцы судорожно вцепились в подлокотники, а на лбу выступили крупные капли пота.

В студии «ТВ-Регион» повисла тяжелая, осязаемая тишина. Зрители на трибунах, которых еще недавно заставляли дружно аплодировать по команде координатора, сидели замерев. Никто не шевелился. Даже ведущий Вячеслав Морозов застыл с открытым ртом, забыв о своем микрофоне.

В этот момент гигантский светодиодный экран за спиной Саида, на котором обычно транслировались яркие заставки ток-шоу, мигнул. Вместо привычного

логотипа программы на нем появилось изображение, заставившее Коновалова издать тихий, похожий на хрип звук.

Это был высококачественный скан банковского документа. На экране четко читались реквизиты финансовой организации: Hellenic Bank, Никосия, Республика Кипр. В графе «Получатель платежа» значилась компания Barents Trade Ltd, связанная, согласно материалам архива, с Евгением Николаевичем Коноваловым и Кристиной Игоревной Радченко.

Саид слегка повернул голову к экрану, затем снова посмотрел на камеру, на которой продолжал гореть маленький красный огонек прямого эфира.

— Перед вами документ от четырнадцатого октября текущего года, — спокойно, ровным учительским голосом произнес Саид. — Транзакция номер 884-PL. Сумма — один миллион двести тысяч рублей, конвертированная в евро. Отправитель — строительная компания «СтройИнвест-Зареченск», принадлежащая Дмитрию Викторовичу Ковалеву. В назначении платежа указано: «Оплата консалтинговых услуг по договору № СИ-09/23». Но в реальности это была та самая сумма, после которой появилось экспертное заключение, призванное закрыть мне рот.

В динамиках студии раздался легкий щелчок. Макс, сидевший в своей старой машине на соседней улице с ноутбуком на коленях, запустил следующий файл. Из динамиков, установленных под потолком студии, раздался шорох, а затем зазвучал отчетливый, хриплый голос чиновника Ковалева:

«Ахмедов слишком много думает. Нарисуй ему экстремизм, Радченко поднимет вой в СМИ, пусть закроют парня. Нам нужно убрать его из школы и из города до того, как начнется плановая проверка из федерального казначейства по строительным подрядам».

И следом — вкрадчивый, мягкий баритон самого Коновалова:

«Все будет сделано в лучшем виде, Дмитрий Викторович. Завтра утром я подготовлю предварительное экспертное заключение. Напишем, что его уроки — это протокол скрытого психологического кодирования...»

Звук отключился. В студии стало так тихо, что было слышно, как гудят трансформаторы осветительных приборов.

Коновалов попытался подняться, его лицо исказила гримаса ярости, смешанной с паникой.

— Это фальшивка! — выкрикнул он, но его голос сорвался на писк. — Это компьютерный монтаж! Нейросети! Этот человек — беглый преступник, он пытается оклеветать честных людей! Охрана! Почему его не выводят?!

Но операторы продолжали держать камеры направленными на Коновалова и Саида. В их наушниках режиссер эфира Ирина продолжала кричать и требовать отключить вещание, но технический персонал в аппаратной растерял драгоценные секунды, пытаясь понять, кто поставил срочную видеовставку в эфирную очередь и почему она уже ушла на экран студии. Зрители по всей области в этот момент видели, как рушится репутация человека, годами вершившего судьбы людей.

Саид спокойно переложил трость на левое колено. Он не повышал голоса, он говорил так, словно находился в своем классе на обычном уроке обществознания.

— То, что вы сейчас видите и слышите, — это не просто частный случай коррупции в одном отдельно взятом городе, — заговорил Саид, глядя прямо в объектив центральной камеры. — Это демонстрация того, как работает система стигматизации и уничтожения неудобных граждан. Эта система имеет четкую, последовательную структуру, состоящую из пяти этапов. И сегодня я хочу, чтобы каждый из вас понял, как этот алгоритм работает, потому что завтра на моем месте может оказаться любой из вас.

Он сделал небольшую паузу, давая зрителям возможность осмыслить сказанное.

— Первый этап — это селекция мишени. Выбирается человек или организация, которая мешает интересам влиятельных лиц. Это может быть честный аудитор, фермер, отказавшийся отдавать землю, или учитель, который учит детей думать самостоятельно. Главное условие — мишень должна быть уязвимой и не иметь мощного административного ресурса.

Саид указал рукой на экран, где сканы банковских выписок сменились методическими шаблонами и перепиской из архива Коновалова, которые он скопировал в кабинете Коновалова.

— Второй этап — это информационная изоляция и подготовка общественного мнения. В подконтрольных СМИ, таких как портал Кристины Радченко, выходит серия публикаций. Используется метод «вины по ассоциации». Человека без каких-либо доказательств связывают с радикальными группировками, сектами или иностранными агентами. Цель этого этапа — заставить общество отвернуться от жертвы. Коллеги начинают отводить глаза, друзья перестают отвечать на звонки. Создается вакуум, в котором человек остается один на один с нападающими.

На трибунах кто-то из пожилых женщин тихо охнул. Люди начали переглядываться. Многие из них читали те самые статьи Радченко и теперь понимали, как легко их заставили поверить в ложь.

— Третий этап — это экспертная инквизиция, — продолжил Саид, повернувшись к Коновалову. — На сцену выходит так называемый «независимый эксперт». Человек с научными званиями, который за определенную сумму, переведенную на счета его фондов или офшорных компаний, составляет псевдонаучное заключение. В ход идут выдуманные термины, не имеющие отношения к науке: «скрытое кодирование», «деструктивное воздействие», «когнитивная дестабилизация». Эти термины нужны только для одного — создать иллюзию смертельной опасности там, где ее нет. Суды и следователи принимают эти бумаги как истину в последней инстанции, потому что у них нет оснований не доверять «авторитетному ученому».

Коновалов тяжело дышал, его галстук был сбит набок. Он понимал, что каждое слово Саида подтверждается документами, которые продолжали сменять друг друга на гигантском экране за их спинами. Там уже появились шаблоны экспертных заключений, где менялись только фамилии обвиняемых.

— Четвертый этап — это силовая фальсификация, — голос Саида оставался ровным и твердым. — Когда общественное мнение подготовлено, а экспертное заключение лежит на столе у следователя, запускается государственная машина. Проводится обыск. В квартиру жертвы могут быть подброшены запрещенные материалы — книги, листовки, упакованные в чистый полиэтилен, на которых нет даже отпечатков пальцев подозреваемого. Это становится формальным поводом для немедленного ареста и отправки в следственный изолятор.

Саид посмотрел на свои руки.

— И пятый, завершающий этап — это гражданская смерть и изъятие активов. Человек оказывается в СИЗО, лишенный возможности защищаться. Его бизнес переходит к заказчикам процесса, его имущество распродается, его семья остается без средств к существованию. А общество вздыхает с облегчением, уверенное, что правоохранительные органы обезвредили очередного «врага». Это отлаженный процесс, где закон используется как инструмент для рейдерских захватов и расправы с несогласными. И этот процесс стоит на потоке.

В этот момент тяжелые двойные двери студии «А» с грохотом распахнулись.

В помещение ворвались семеро мужчин в черной тактической экипировке, бронежилетах и шлемах с опущенными забралами. На их спинах крупными белыми буквами было написано: «ПОЛИЦИЯ». В руках у них были автоматы, направленные вниз.

— Всем оставаться на своих местах! — рявкнул командир группы, выставляя руку в сторону зрительного зала. — Работает полиция!

Среди зрителей началась паника. Женщины закричали, кто-то попытался протиснуться к выходу, но бойцы быстро перекрыли все проходы.

Двое силовиков стремительно направились к Саиду. Они действовали жестко, профессионально. Один из них выбил деревянную трость из его рук, а второй грубо схватил его за плечо, заламывая руку за спину и заставляя наклониться к полу.

Саид не оказывал никакого сопротивления. Он расслабил мышцы, позволяя им зафиксировать свои руки. Его лицо оставалось абсолютно спокойным. Даже когда его щеку прижали к холодному пластику студийного стола, он продолжал смотреть прямо в объектив Камеры 2, которая продолжала транслировать происходящее в эфир.

— Камеру выключи! Выключи камеру, я сказал! — орал один из полицейских, пытаясь закрыть объектив рукой.

Но Илья, оператор второй камеры, просто отступил на шаг назад, продолжая держать Саида в кадре. Он понимал, что этот эфир уже вошел в историю и никакие приказы не заставят его прекратить съемку.

Саида подняли на ноги. Его комбинезон был испачкан, на щеке остался красный след от удара о стол, но взгляд оставался прежним — прямым, чистым и бесстрашным.

— Урок окончен, — тихо произнес он, прежде чем его грубо толкнули к выходу из студии.

Прошел месяц.

Декабрьский день в камере № 42 следственного изолятора СИЗО-1 города Зареченска начинался одинаково. В шесть часов утра раздавался резкий, дребезжащий звонок будильника, затем следовал тяжелый стук железного засова на двери и хриплый голос дежурного: «Подъем! На проверку становись!».

Саид медленно поднялся со своей шконки. Лодыжка почти зажила, хотя при резкой перемене погоды все еще ныла. Он аккуратно заправил серое армейское одеяло, умылся ледяной водой из-под крана и сел за узкий железный стол, приваренный к полу в центре камеры.

В камере было еще двое мужчин — сокамерники, ожидавших суда по экономическим статьям, — относились к нему с подчеркнутым уважением. Они знали, кто он такой. В СИЗО новости распространялись мгновенно, а трансляцию из студии «ТВ-Регион» здесь смотрели многие: кто-то по телевизору в камерах, кто-то уже в пересказах и коротких роликах, успевших разойтись по телефонам родственников и адвокатов.

Саид достал из кармана куртки небольшую пластиковую расческу и аккуратно причесал свои коротко стриженные волосы. Он чувствовал себя странно спокойным. Тот лихорадочный бег, который начался после обыска в его квартире, наконец прекратился. Здесь, за толстыми кирпичными стенами изолятора, он был парадоксальным образом защищен от физического устранения. Слишком много глаз теперь было устремлено на его дело.

Около десяти часов утра тяжелая железная дверь камеры снова за скрипела.

— Ахмедов, на выход. К адвокату, — крикнул надзиратель, заглядывая в глазок-волчок.

Саид поднялся, заложил руки за спину и вышел в коридор. Его провели по длинным, выкрашенным в грязно-зеленый цвет переходам изолятора в следственный кабинет.

За столом в кабинете его ждала Елена Власова. Она выглядела усталой, под глазами залегли темные тени, но в ее движениях появилась прежняя, уверенная энергия профессионального защитника, которую у нее когда-то отобрали. Рядом с ней на стуле сидел Макс, одетый в чистую рубашку и строгий пиджак — он больше не был похож на взъерошенного студента-айтишника.

— Здравствуй, Саид, — Елена улыбнулась и протянула ему руку. — Садись. У нас важные новости.

Саид сел напротив них, положив руки на стол.

— Рассказывайте. Что происходит снаружи?

— Происходит то, чего они никак не ожидали, — заговорила Елена, открывая свою пухлую кожаную папку с документами. — Твое выступление в прямом эфире посмотрели десятки тысяч человек в прямом эфире и намного больше — в повторях, фрагментах и пересылках. Но это было только начало. Макс успел сделать резервную копию записи и выложил ее на независимые платформы. За первые сутки видео набрало сотни тысяч просмотров. Его подхватили блогеры, несколько независимых журналистов, правозащитники и часть федеральных редакций.

Макс подался вперед, его глаза блестели за стеклами очков.

— Сергей Дмитриевич, система просто захлебнулась. Они пытались заявить, что это был провокационный срыв эфира и незаконное вмешательство в работу телеканала, но когда люди увидели документы и услышали запись разговора Ковалева с Коноваловым, оправдываться стало сложнее. В пятницу утром у здания областной администрации собрался небольшой стихийный сход. Люди требовали отставки Ковалева и проверки деятельности Коновалова и его связей с антикультовыми структурами.

Елена достала из папки официальный документ с гербовой печатью.

— Вот тебе второй микрокейс, Саид. Официальное поручение из областной прокуратуры, согласованное с центральным аппаратом. После резонанса материалы твоего дела и дела Решетникова истребовали для проверки. Следователя Широкова временно отстранили от работы с материалами, а по факту возможной фальсификации доказательств начата процессуальная проверка. Статья 303 Уголовного кодекса — фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности — теперь впервые прозвучала не в разговорах Елены, а в официальном документе.

Саид медленно выдохнул.

— А Коновалов?

— Коновалова пока не арестовали, но его уже допросили и провели обыск в его загородном доме, — ответила Елена. — В том самом, из окна которого ты прыгал. Он пытался представить все как провокацию и монтаж, но следователи нашли у него материалы, которые он не успел уничтожить. При обыске у него нашли еще аналогичные таблицы с расценками, шаблонов заключений и готовых заключений по делам, которые еще даже не дошли до суда. Пока ему официально не предъявлено обвинение, но проверка идет сразу по нескольким направлениям: возможное мошенничество, незаконное получение вознаграждений, давление на свидетелей и участие в фабрикации материалов. Это еще не победа, но впервые он сам оказался внутри процедуры, которую годами запускал против других.

— А Дмитрий Ковалев? — спросил Саид.

— Ковалев-старший временно отстранен от части полномочий, а его окружение срочно пытается удержать контроль над ситуацией, — сказал Макс. — Его строительную компанию проверяет налоговая и казначейство. Там нашли основания для внеплановой проверки по строительству моста и спортивного комплекса. Их империя дала первую настоящую трещину. Твое дело об экстремизме перестало быть внутренним делом Широкова. Елена уже подала ходатайство об изменении меры пресечения, а прокуратура больше не возражает так жестко. Думаю, шанс выйти отсюда появился реальный.

Саид смотрел на белую стену кабинета, на которой тускло поблескивала решетка вентиляции. Месяц назад он был беглецом без документов,

замерзающим в заброшенном депо, уверенным, что его жизнь закончена. А сегодня люди, которые считали себя хозяевами этого города, впервые начали отвечать на вопросы, от которых раньше отмахивались одним звонком.

— Мы победили, Саид, — тихо произнесла Елена, накрывая его ладонь своей рукой. — Мы сделали то, что казалось невозможным. Мы заставили их играть по правилам правды.

— Нет, Елена Дмитриевна, — Саид покачал головой, и на его лице появилась мягкая, усталая улыбка. — Мы не победили. Мы просто показали людям, как устроена эта ложь. А дальше им придется самим решать, будут ли они снова молчать. Правда — она как вода. Ей можно преградить путь, можно построить плотину из законов, экспертиз и купленных СМИ. Но рано или поздно она найдет щель и начнет подтачивать даже самую прочную плотину.

Еще через две недели Саид Ахмедов вышел через тяжелые серые ворота СИЗО-1.

День был холодным и солнечным. Снег, выпавший накануне, искрился под лучами зимнего солнца, делая город чистым и праздничным. У ворот его встречали Елена и Макс. Они не стали устраивать шумных приветствий — просто молча обнялись и пошли к машине.

Они ехали по улицам Зареченска. Город жил своей обычной, суетливой жизнью. Люди спешили по магазинам, покупали продукты, прогревали машины во дворах. Но что-то неуловимо изменилось в самой атмосфере.

Проезжая мимо здания университета, Саид заметил группу студентов, стоявших у входа. Они оживленно спорили, держа в руках распечатки тех самых документов из архива Коновалова, которые Макс выложил в сеть. На автобусной остановке двое мужчин средних лет обсуждали утренние новости о проверке компании Ковалева.

Главное было сделано. Зерно критического мышления, которое он так бережно сеял в умах своих учеников, проросло и дало первые, самые важные всходы. И этот процесс уже нельзя было просто отменить приказом, статьей или очередной экспертизой.